В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ

Ф. И. ХАСХАЧИХ

О ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА

☆

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

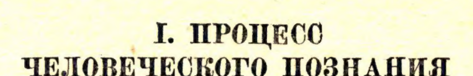
1950

Государственное издательство политической литературы

ОТ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Автор книги Ф. Хасхачих погиб на фронте Великой Отечественной войны, сражаясь против немецко-фашистских захватчиков. Начатый им труд по теории познания диалектического материализма остался незаконченным. Данная книга представляет наиболее обработанную автором часть его общего труда. Она рассчитана на широкий круг советских читателей, изучающих марксистко-ленинскую философию.

При переиздании книги редакцией были сделаны некоторые редакционные исправления.

I. ПРОЦЕСС ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

ЧУВСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Ощущение

Процесс человеческого познания складывается из двух основных моментов: эмпирического, или чувственного, и рационального, или умственного; основой того и другого является общественно-историческая практика человечества.

Вопрос о соотношении между этими двумя основными моментами познания различные философы решают по-разному. Одни из них (Декарт, Спиноза, Лейбниц) утверждали, что главным источником истинных знаний является разум. Поэтому их теория познания называется *рационализмом;* другие же (Локк, французские материалисты) учили, что вообще все знания происходят из опыта. Поэтому их теория познания называется *сенсуализмом* (от слова «сенсус» — ощущение).

И рационалисты и сторонники эмпиризма подходили к вопросу о познании односторонне, противопоставляя друг другу два момента единого процесса познания.

Диалектический материализм считает, что и эмпирический и рациональный моменты познания являются необходимыми и дополняющими друг друга моментами процесса человеческого познания.

Мышление человека всегда связано в конечном счёте с опытом, с теми данными, которые доставляют нам органы чувств. Все наши знания имеют в конечном счёте опытное происхождение.

Но признание того, что опыт является источником всех наших знаний, не есть ещё материалистическое решение основного вопроса философии. Опыт как источник знания может признаваться и, как показывает история философии, признаётся не только материализмом, но и идеализмом. Весь вопрос в том, что̀ подразумевается под этим понятием.

Ощущения являются источником всех наших знаний, учит сенсуализм. Поскольку диалектический материализм признаёт это положение, его теория познания является сенсуалистической. Но ни эмпиризм, ни сенсуализм сами по себе ещё не решают основного вопроса гносеологии. Ленин показал, что из посылки эмпиризма и сенсуализма возможны два вывода: идеалистический (ощущения есть единственная реальность, а тела — лишь комплексы, или комбинации, ощущений) и материалистический (внешний мир есть источник ощущений, а ощущения — лишь образ материального мира).

Признавая опыт источником всех наших знаний, марксистский философский материализм вместе с тем придаёт огромное значение теоретическому мышлению, которое оперирует общими понятиями. Этим он отличается от плоского, или вульгарного, эмпиризма, отрицающего роль научной абстракции. Одних эмпирических наблюдений, без теоретического обобщения, недостаточно для того, чтобы познать закономерности развития природы и общества. Поэтому тот, кто ограничивается лишь познанием одних внешних сторон явлений, видит только то, что лежит на поверхности явлений, не проникая в сущность вещей. Основоположники марксизма не уставали повторять, что без теоретического мышления невозможно развитие науки.

Несмотря на то, что эмпиризм материалистов прошлых столетий был односторонним, ограниченным, тем не менее он исторически сыграл положительную роль. От эмпиризма исходил призыв: «Изучайте природу, постигайте её так, как она теперь является перед вами здесь». Материалисты, являясь сторонниками эмпиризма, считали истинным только то, что в действительности существует и непосредственно доступно чувственным восприятиям. Их стремление познать то, что существует, является прогрессивным моментом.

Но в рационализме Декарта, Спинозы, Лейбница, несмотря на неправильность его (рационализма) исходной позиции — отрицание научного значения чувственного опыта, — была и ценная идея о научном значении абстракций.

Ощущение как источник всех наших знаний

Марксистский философский материализм учит, что источником всех наших знаний являются ощущения; органы чувств суть единственные каналы, через которые внешний мир проникает в наше сознание. Человек, лишённый всех органов чувств, никакими способами не может познать мир. Кто ничего не ощущает, тот ничего не познаёт и ничего не понимает. Только посредством органов чувств мы познаём внешний мир.

Предметы внешнего мира являются причиной и объектом наших ощущений. Различные ощущения соответствуют различным сторонам, свойствам объективного мира. Ещё французский материалист Дидро говорил, что причина, которая вызывает в человеке ощущение жёлтого цвета, отличается от той причины, которая вызывает ощущение фиолетового цвета. Он образно сравнивал наши органы чувств с клавишами фортепиано, по которым ударяет окружающая природа и тем вызывает в нас ощущения.

Доказательством того, что отсутствие органов чувств, через которые внешний мир входит в сознание человека, затрудняет или лишает возможности познания, могут служить люди, лишённые того или иного органа чувств, вследствие чего они не могут непосредственно постигнуть то, что соответствует данному предмету и ощущению, вызванному им. Слепые не могут постигнуть цвета, глухие — звука и т. д. Без органов чувств человек не в состоянии проникнуть во внешний мир.

Наши чувства часто взаимно проверяются друг другом. Показания одного органа чувств могут быть проверены другими органами чувств. Так, например, глаз видит огонь. Чтобы удостовериться в истинности этого показания, достаточно приблизить руку к огню. Если человек

при этом испытывает тепло, то огонь в действительности существует.

Зрение и осязание во многих отношениях дают одни и те же сведения о внешнем мире, дополняя друг друга. Элементы зрительного впечатления находятся также и в осязательном впечатлении. Так, например, я смотрю на карандаш, которым пишу эти строки. Мне бросается в глаза его цвет (при дневном свете). Этого впечатления слепорождённый никогда не может получить. Что бы он ни делал, как бы ни ощупывал карандаш, он никогда не может составить себе представления о его цвете. Но зато почти все остальные элементы зрительного впечатления доступны и осязанию. Зрение и осязание могут в известной мере замещать или дополнять друг друга, ибо оба эти чувства могут дать и дают сведения почти об одних и тех же сторонах или свойствах предметов. К ним относятся пространственные отношения, форма и поверхность тела и т. д. Всё это так, и тем не менее у зрячего чувственных впечатлений неизмеримо больше, чем у слепого. Дело в том, что восприятие цветов служит в свою очередь источником бесчисленного множества психических переживаний, совершенно недоступных слепым. К ним относится, например, видимая красота. Мы уже не говорим о том, что ни один слепой не имеет представления о перспективе, которая воспринимается при помощи зрения.

Слепой может достигнуть и, как показывают многочисленные факты, достигает во многих отраслях науки такой же степени совершенства, как и зрячий. Более того, науке известны случаи, когда люди, лишённые с очень раннего возраста нескольких органов чувств, в своём умственном развитии достигают успехов, поражающих современного культурного человека.

Эти случаи являются яркой иллюстрацией того, что органы чувств способны заменять в определённых границах друг друга, а также развиваться в результате внимания и упражнения.

На основании показаний своих органов чувств человек действует и познаёт предметы. Без них его практическая и теоретическая деятельность была бы невозможна.

Если бы органы чувств искажённо отображали действительность, то человек не мог бы биологически целесообразно приспособляться к окружающей среде. Без органов

чувств не может быть искусства (музыки, поэзии, скульптуры, живописи) и вообще художественного творчества. Для того чтобы дать правильное соотношение частей тела и правильные очертания мышц при создании какого-либо образа, скульптор пользуется главным образом зрением и осязанием. Для наиболее верного отражения радости или печали музыкант пользуется слухом в процессе гармонического сочетания звуков. В процессе комбинирования красок для создания картин живописец пользуется глазом.

Чувственное познание составляет важнейшую основу всего процесса художественного творчества, отображающего различные стороны объективной реальности.

При помощи осязания мы ощущаем прикосновение или давление, тепло, холод, боль и т. д. Ощущение тепла и холода даёт человеку возможность избегнуть опасностей, которые ему угрожают от чрезмерного нагревания или охлаждения его организма. Болевые ощущения сигнализируют о моменте опасности, которая грозит ему в случае получения ран или повреждения организма. Насколько велико биологическое значение болевых ощущений, видно из того, что люди, не ощущающие боли вследствие некоторых заболеваний нервной системы, наносят себе тяжёлые раны, имеющие иногда смертельный исход. На основании болевых ощущений мы определяем место болезненных процессов в нашем организме и тем самым получаем возможность своевременно лечить их. Боль отличается от зрительных, слуховых и других ощущений тем, что она отражает не свойства окружающего нас объективного мира, а изменения состояния нашего тела, вызываемые часто воздействием внешних предметов.

Большое значение в жизни человека и высших животных имеет *зрение.*

У некоторых животных оно играет основную роль в их поведении. Деятельность многих животных регулируется сменой дня и ночи, света и темноты. Например, курица в темноте не клюёт зёрна даже в том случае, если она сидит на куче зерна.

Благодаря зрению птицы находят свои гнёзда, от которых они отлучаются в поисках пищи. Голуби, например, способны возвращаться домой с больших расстояний — свыше 300 километров, а некоторые даже с расстояния в 800 километров.

Роль зрительных ощущений в процессе познания велика. Зрение доставляет богатые данные о многообразии внешнего мира. Оно, являясь главным источником созерцания, даёт наиболее диференцированное восприятие предметов. Зрение воспринимает прежде всего такое качество материального мира, как свет. Благодаря этому мы можем видеть отдалённые от нас предметы.

В развитии умственных способностей человека *слух* играет также необычайно большую роль. От слуха зависит способность речи, являющейся средством общения между людьми. Слух имеет большое значение для художественного творчества: музыки, пения, поэзии и т. д. Французский философ и писатель Монтень (1533—1592) говорил, что если бы ему пришлось сделать выбор между зрением и слухом, то он предпочёл бы лишиться зрения, так как слух в умственной деятельности играет более важную роль, чем зрение.

Человек, обладающий слухом, имеет возможность овладеть языком, который является формой выражения общих понятий. Благодаря слуху люди обмениваются мыслями непосредственно через живую речь, в то время как зрением они воспринимают главным образом только внешний облик вещей.

Особенно велика роль слуха (и осязания) в жизни слепых. Из наблюдений над жизнью слепых мы знаем, что последним слух оказывает значительно бо́льшую услугу, чем зрячим. Дело в том, что человек, лишённый слуха, не способен, как правило, овладеть звуковой речью, а без последней невозможна высокая ступень умственного развития. Поэтому отсутствие слуха и речи необычайно сильно отражается на интеллектуальных способностях. Отсутствие зрения усиливает роль и значение других органов чувств и в первую очередь слуха. Слух даёт слепому возможность заниматься музыкой, слушать живую речь, узнавать по голосу людей, оценивать в известной мере их психическое состояние и т. д. Слух у слепых достигает высокого развития благодаря тому, что они прибегают к услугам слуха, несомненно, в бо́льшей мере, чем зрячие. От природы слух у слепых в среднем развит не больше и не меньше, чем у зрячих. Если у многих слепых имеется известное превосходство над зрячими в отношении слухо-

вых восприятий, то это объясняется не физиологическими задатками, а вниманием и упражнением.

У человека роль обоняния не столь велика, как у животных, но всё же оно и для него имеет жизненно важное значение. Оно даёт ему возможность определить наличие ядовитых газов, выполняя, так сказать, роль сторожа дыхательных органов. В отличие от вкусовых ощущений, которые получаются лишь в результате непосредственного прикосновения языка к предметам, обоняние получает свои впечатления на значительном расстоянии и помогает человеку правильно ориентироваться в окружающей среде. Опытные химики по запаху узнают, каким способом получен бензин — способом прямой или крекинговой перегонки.

Обоняние человека обладает необычайной чувствительностью. Оно способно обнаружить присутствие в окружающем воздухе таких минимальных количеств пахучего вещества, которые не могут быть обнаружены ни тончайшим химическим анализом, ни спектральным анализом, открывающим присутствие миллионных долей грамма. Например, обоняние человека способно установить наличие 0,000 000 1 (одной десятимиллионной) доли миллиграмма сероводорода в одном литре воздуха. Более того, достаточно $\frac{1}{460\,000\,000}$ (одной четырёхсотшестидесятимиллионной доли) миллиграмма меркаптана [1], чтобы вызвать обонятельные ощущения. В этом смысле обоняние следует считать одним из наиболее развитых органов чувств у человека, поскольку мы не в состоянии ни видеть, ни слышать, ни ощущать на вкус десятимиллионной доли миллиграмма раздражающего вещества.

Чувство вкуса требует непосредственного соприкосновения с предметами, тогда как обоняние, зрение и слух такого непосредственного соприкосновения не требуют.

Некоторые вещества могут ощущаться на *вкус* в очень слабо разведённых растворах. Например, сахар ощущается в растворе 1 : 80, серная кислота — в растворе 1 : 10 000, стрихнин — в растворе 1 : 2 000 000 и т. д. Какой степени утончённости достигают вкусовые ощущения у человека, можно наблюдать у так называемых

[1] Меркаптаны — органические соединения, содержащие серу и обладающие отвратительным запахом.

дегустаторов, т. е. специалистов, которые по вкусу могут с большой точностью определить качество вина, год розлива, сорт его и т. п.

Человек по вкусу определяет годность и негодность продуктов питания, предохраняя себя от принятия вредных веществ. Вкусовые рецепторы начинают функционировать у новорождённого в первые дни его жизни. Если к пище примешано кислое или горькое вещество, ребёнок тотчас же выбрасывает её изо рта. Каждый орган чувств предназначен для восприятия только *определённых* свойств предметов. Различные виды ощущений соответствуют различным свойствам материальных тел.

Таково значение органов чувств, дающих нам представление о внешнем мире.

Ощущение как субъективный образ объективного мира

Материальные вещи обладают бесконечным количеством качественно различных свойств, моментов, сторон; одни из этих сторон действительности отражаются зрением, другие — слухом и т. д. Каждый орган воспринимает лишь отдельные стороны действительности, человеческие органы чувств дают неполный и не вполне точный образ предметов.

Вопрос о соотношении образа предмета и самого предмета есть главный вопрос материалистической теории отражения. Поэтому не случайно, что на протяжении многих веков вокруг него происходила ожесточённая борьба различных материалистических и идеалистических школ.

Идеализм во всех своих формах проявления так или иначе отрицательно решает вопрос об отражении материального, внешнего мира в чувственных восприятиях. Он считает данные чувственных восприятий недостоверными, ложными. Например, Гегель, который выступал противником агностицизма, не смог подняться до правильного понимания чувственных восприятий. Ему было чуждо понимание ощущений как отражения материального мира.

Ещё в античной философии вопрос об отношении образа и объекта стал предметом специального изучения.

Особенно много этим вопросом занимались древнегреческие материалисты.

Почти все материалисты древней Греции сходились в мнении, что чувственные восприятия составляют основу всего человеческого познания. Однако они не слепо доверяли показаниям органов чувств. Уже то обстоятельство, что человеческие органы чувств одни и те же предметы в различных условиях отражают по-разному, наталкивало древних материалистов на мысль об ограниченности чувственных восприятий.

Демокрит, крупнейший материалист античного мира, пытался выяснить особенности чувственного познания. Указывая на отдельные факты обманчивости наших чувств, он был склонен рассматривать чувственное познание как несовершенное познание. Он говорил, что существуют два вида познания: тёмный и истинный. К тёмному виду познания он относил знания, которые мы получаем при помощи органов чувств, а к истинному — мышление. По сравнению с органами чувств мышление, по Демокриту, является более тонким и верным средством познания, так как оно способно проникать в глубину природы. Объективная истина познаётся разумом, а с помощью тёмного рода познания человек, по учению Демокрита, может составить только мнение.

Несмотря на то, что Демокрит принижал роль чувственных восприятий в процессе познания, тем не менее он стоял на материалистических позициях по этому вопросу. Ощущения, по Демокриту, имеют свой источник в материальных вещах. Он выдвинул теорию, согласно которой цвет, запах и другие так называемые чувственные качества возникают в результате воздействия объективно существующих вещей на органы чувств. Однако он не ограничился общей постановкой вопроса об источнике наших ощущений. Стремясь к тому, чтобы конкретно выяснить связь между ощущениями и внешним миром, он выдвинул *учение об образах.*

Сущность этого учения состоит в следующем. От окружающих вещей непрерывно исходят истечения, которые проникают в наши органы чувств либо непосредственно, либо через посредство воздуха. В результате взаимодействия объекта и познающего субъекта воздух получает отпечаток, т. е. образ вещи, который (образ) впоследствии

запечатлевается в органах чувств. Но этим не исчерпывается процесс чувственного познания. Из органов чувств также исходят истечения, которые особым образом влияют на характер вызываемых действием объекта ощущений. Последние возникают благодаря тому, что извне в органы чувств приходят образы. Но эти образы не есть точная копия вещей, потому что на образы влияют, с одной стороны, воздух, а с другой — истечения, исходящие из органов чувств. Вследствие этого получается поверхностное, а порою и обманчивое отражение вещей. Ставя так вопрос, Демокрит приходит к выводу, что цвет, вкус, запах и т. д. существуют только в мнении, т. е. в сознании, а в действительности существуют только атомы и пустота[1].

Многообразие явлений мира Демокрит объяснял различными сочетаниями атомов, которые отличаются друг от друга только количественно, а именно по величине, форме и положению. Различные сочетания атомов приводят к образованию различных ощущений. Хотя, по Демокриту, чувственные качества (цвет, запах и т. д.) не свойственны материальным предметам, тем не менее они имеют источник в самих предметах. Таким образом, у Демокрита чувственные качества не являются чисто субъективными, ибо они имеют объективную основу во внешнем мире.

Эта теория Демокрита впоследствии послужила основой для метафизического учения о так называемых «первичных и вторичных качествах», получившего широкое распространение в новой философии.

Учение о «первичных и вторичных качествах» нашло своё выражение в работах Галилея, Гоббса, Локка и ряда других мыслителей XVII—XVIII веков.

Термины «первичные и вторичные качества» впервые были введены в новую философию Локком (1632—1704). Под «первичными качествами» Локк понимал плотность, величину, фигуру, объём, протяжённость, движение и т. д., т. е. качества, или свойства, которые поддаются изучению при помощи механико-математических методов. А все остальные качества, как, например, цвет, запах, вкус и т. д., им были названы «вторичными», потому что они порождаются действием «первичных качеств» вещей на наши

---

[1] См. «Историю философии», т. 1, Политиздат, 1940, стр. 111.

органы чувств. Если «первичные качества» являются объективными, присущими самим вещам, то «вторичные качества» им были объявлены чисто субъективными, так как они, по его мнению, не свойственны материальным вещам, хотя и порождаются действием частиц материи.

Галилей прямо говорил, что если бы у нас не было ушей, языка, носа, то не было бы и звуков, вкуса и запаха. Следовательно, «вторичные качества», по учению Галилея, существуют только благодаря тому, что существуют органы чувств.

Это учение вполне соответствовало состоянию естествознания того времени. Так как из всех наук наиболее развитой была механика, то философы придавали законам механики всеобщее значение. Они приписывали материи только такие свойства, которые были доступны методам механики. А механическое мировоззрение отрицало качественное своеобразие явлений мира, оно отрицало объективность качества, сводя всё многообразие мира к механическому движению однородных частиц материи.

Учение Локка о «первичных и вторичных качествах» явилось своеобразной попыткой решения вопроса об объективном и субъективном, о сущности и явлении и т. д. Разделение качеств на «первичные и вторичные» следует рассматривать как попытку разграничения сущности и явления, объективного и субъективного. Однако это учение оказалось не в состоянии решить вопрос об отношении образа и предмета, ощущения и вещи, ибо оно было чуждо диалектике.

Диалектический материализм отбрасывает локковское деление качеств на «первичные и вторичные», так как оно, отрицая объективность «вторичных» качеств, делает явную уступку идеализму.

Пахнет ли роза, когда её никто не нюхает? Имеет ли роза цвет, когда на неё никто не смотрит?

На первый взгляд кажется, что на эти вопросы можно ответить очень легко. Но различные философы отвечают на них по-разному.

Механисты говорят, что роза пахнет только тогда, когда её нюхает ощущающее существо; роза имеет цвет только тогда, когда на неё кто-нибудь смотрит, так как, по их мнению, запах и цвет суть нечто чисто субъективное,

существующее лишь для воспринимающего субъекта. Это есть чистейший идеализм.

Механисты в вопросе о чувственных качествах стоят на позициях субъективизма. Они утверждают, что цвета, звуки, запахи и т. д. объективно не существуют. Лист дерева только кажется человеку зелёным, но на самом деле, рассуждают они, лист дерева, как и всякий другой предмет, не имеет никакого цвета. Человеку только кажется, что свисток паровоза издаёт звуки, а в действительности нет звуков. Материальный мир сам по себе бесцветен и беззвучен. Таковы взгляды механистов.

Основа гносеологической ошибки, которую допускают физики-механисты в данном вопросе, заключается в том, что сущность отождествляется с явлением. Свет относится к цвету так, как сущность к явлению. То же самое надо сказать о звуке и колебаниях воздуха. Этого механисты не понимают.

Физиологические идеалисты утверждают, что цвета, запахи, звуки и т. д. обусловливаются всецело и исключительно физиологической организацией познающего субъекта. Поясним взгляды физиологических идеалистов на интересующую нас проблему простым примером. Скажем, я смотрю на дерево и говорю, что листья дерева зелёные. Когда я закрываю глаза, то не вижу никакого цвета. Можно ли сказать, что цвет возникает и исчезает с открыванием и закрыванием глаз? Физиологический идеалист скажет: да, так как он исходит из того, что в мире на самом деле нет никаких цветов и что цвета порождаются человеческим глазом.

Наивные реалисты говорят: запах, цвет, звук, вкус, и пр. есть объективное свойство материальных вещей. Правильно признавая так называемые чувственные качества (запах, цвет и т. д.) объективными, наивные реалисты допускают ошибку, когда полагают, что эти качества в точности таковы, какими их воспринимает человек.

Мы сознательно не останавливаемся на критике взглядов Беркли, Юма и других субъективных идеалистов и агностиков на эту проблему, так как они не только «вторичные», но все «первичные» качества (движение, протяжённость, объём и т. д.) считают чисто субъективными.

Вопрос о так называемых чувственных качествах имеет две стороны: 1) существуют ли цвет, звук, запах и т. д.

как объективные свойства материальных вещей независимо от сознания человека и его органов чувств и 2) если существуют, то могут ли наши чувственные восприятия быть верными их отражениями?

Диалектический материализм даёт на оба вопроса утвердительный ответ.

Точнее говоря, не существует просто цвета, звука, запаха самих по себе, независимо от материальных тел, а существуют только материальные тела, обладающие цветом, звуком, запахами и многими другими свойствами.

Теперь могут спросить: что представляют собой цвет, звук, теплота как объективные свойства материальных тел?

Сущность цвета как объективного свойства материи характеризуется своеобразной природой или определённостью световых волн. Своеобразное качество световых волн, которое, действуя на нашу сетчатку, вызывает то или иное цветоощущение, и есть цвет.

Современная физика объясняет различия цветов различиями в частоте колебаний, а стало быть, и различиями в длине световых волн (ибо длина волн зависит от числа колебаний). Следующая таблица показывает число колебаний и длину световых волн, а также соответствующие им ощущения цветов.

Зрительные ощущения, возникающие при воздействии световых волн на глаз	Количество колебаний в секунду (в биллионах)	Длина волны в миллионных долях миллиметра
Красный	400—470	760—647
Оранжевый	470—520	647—586
Жёлтый	520—590	586—535
Зелёный	590—650	535—492
Голубой	650—700	492—456
Синий (индиго)	700—760	456—424
Фиолетовый	760—800	424—397

Ошибка тех физиков, которые отрицают объективность цвета, происходит оттого, что они считают различные явления объяснёнными лишь тогда, когда все качественные

различия между ними могут быть сведены к чисто количественным различиям.

Ввиду того что вопрос о соотношении света и цвета ещё и теперь служит объектом спора не только среди философов, но также среди физиков, физиологов и психологов, приведём полностью наиболее важные высказывания Ленина по данному вопросу, которые содержатся в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин пишет:

«...цвет есть результат воздействия физического объекта на сетчатку = ощущение есть результат воздействия материи на наши органы чувств» [1].

«...источник света и световые волны существуют *независимо* от человека и от человеческого сознания, цвет зависит от действия этих волн на сетчатку» [2].

«Если цвет является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как вас заставляет признать естествознание), то, значит, лучи света, падая на сетчатку, производят ощущение цвета. Значит, вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или иного цвета. Так именно естествознание и смотрит. Различные ощущения того или иного цвета оно объясняет различной длиной световых волн, существующих вне человеческой сетчатки, вне человека и независимо от него. Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения» [3].

«Ощущение красного цвета отражает колебания эфира, происходящие приблизительно с быстротой 450 триллионов в секунду. Ощущение голубого цвета отражает колебания эфира быстротой около 620 триллионов в секунду. Колебания эфира существуют независимо от наших ощущений света. Наши ощущения света зависят от действия колебаний эфира на человеческий орган зрения. Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 45.
[2] Там же, стр. 48.
[3] Там же, стр. 43.

существует независимо от человечества и от человеческих ощущений. Так смотрит естествознание» [1].

Итак, Ленин, опираясь на данные естествознания, подчёркивает, что цветоощущения есть результат воздействия световых волн на сетчатку глаза. Главный вопрос, который ставит и решает Ленин, заключается в выяснении соотношения образа и предмета, ощущения и вещи. Самая характерная черта ленинского подхода к интересующему нас вопросу состоит в том, что ощущения везде и всюду рассматриваются с точки зрения материалистической теории отражения.

Ощущения возникают в результате действия внешнего мира на органы чувств. Следовательно, источником ощущения является внешний мир, а ощущение отражает этот мир.

Человеческие ощущения субъективны по своей форме (субъективность их заключается в том, что они существуют только в нашем сознании), но объективны по своему содержанию, по своему источнику, по своему происхождению.

Субъективная *форма* человеческих восприятий и ощущений зависит от строения органов чувств и состояния организма. Но в них отражается объективное *содержание*, которое не зависит ни от структуры органов чувств и состояния организма, ни от человека вообще.

Говоря о непосредственной зависимости формы ощущений и восприятий от анатомо-физиологических особенностей познающего субъекта, мы должны при этом всегда помнить, что сами органы чувств и вообще организм есть результат исторического развития внешнего мира. Следовательно, и форма ощущений и восприятий в конечном счёте зависит от внешнего мира.

Современная наука даёт необычайно большой фактический материал для конкретного решения вопроса о том, чем обусловливается субъективная форма ощущений. Кратко рассмотрим, как наука наших дней объясняет механизм зрительных и слуховых ощущений.

Свет является источником зрительных ощущений. Глаз во многих отношениях сходен с фотографическим аппаратом, в котором световые лучи, идущие от предмета,

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 288—289.

проходят двояковыпуклую линзу и концентрируются на находящемся сзади неё матовом стекле. На этом стекле лучи дают обратное уменьшённое изображение предмета.

Однако преломление идущих от предмета лучей к глазу происходит весьма сложным образом, отличным от того, как оно происходит в фотографической камере.

Сетчатка — самая важная часть глаза. Она играет роль чувствительного к световому раздражению экрана, на котором оптический аппарат глаза даёт изображение предметов внешнего мира. Она состоит из нескольких слоёв, самым глубоким из которых является слой палочек и колбочек, представляющих собой аппараты для восприятия зрительных ощущений. Когда световое раздражение влияет на сетчатку, то в палочках и колбочках происходят особые химические процессы, в результате которых возникает раздражение имеющихся в сетчатке чувствующих зрительных нервов. Раздражения, получаемые светочувствительными элементами сетчатки, передаются по волокнам зрительного нерва в зрительные центры. Палочки сетчатки являются носителями так называемого сумеречного зрения и служат для получения только ахроматических впечатлений (к ахроматическим цветам относятся все серые цвета вместе с белым и чёрным цветами). Колбочки же являются носителями так называемого дневного или цветного зрения и служат для получения ощущений хроматических цветов (к хроматическим цветам относятся все цвета видимого солнечного спектра). Но палочки более чувствительны к световым раздражителям, чем колбочки. В пользу этой теории, известной под названием теории двойственности, можно привести следующие факты. Зрение у одних животных (куры, голуби и др.) приспособлено к сильному освещению, а у других (летучие мыши, совы и др.) — к слабой яркости света. Поэтому естествоиспытатели условно первых называют дневными животными, а вторых — ночными. Исследование строения сетчатки различных животных показало, что сетчатка дневных животных имеет только (или почти только) колбочки, в то время как сетчатка ночных животных имеет только (или почти только) палочки. Лица, страдающие врождённой полной цветовой слепотой, могут различать цвета только по светлости, подобно тому, как это имеет место при суме-

речном зрении. У них, стало быть, не функционируют колбочки.

Механизм цветоощущений полностью и до настоящего времени ещё не изучен. Поэтому учёные ограничиваются в этой области гипотезами. В настоящее время существует много различных гипотез по вопросу о том, как происходит процесс возникновения разнообразных цветовых ощущений. Но большинство современных учёных и наиболее выдающиеся из них стоят на точке зрения гипотезы Юнга — Гельмгольца.

В начале XIX века Томас Юнг высказал предположение, что в сетчатке глаза имеются три воспринимающих аппарата соответственно трём основным цветам: красному, зелёному и фиолетовому (вначале в число трёх основных цветов он включал красный, жёлтый и синий). Соответственно трём воспринимающим аппаратам сетчатки, по его мнению, существуют в зрительном нерве волокна трёх родов, причём воспринимающие аппараты сетчатки способны реагировать в известной мере на все длины световых волн, доступных человеческому глазу.

Эта теория, или, вернее, гипотеза, была развита дальше Гельмгольцем. Последний также признавал существование в зрительном аппарате нервных волокон трёх сортов. Если бы каждое из этих волокон возбуждалось изолированно от других, то оно давало бы ощущение насыщенного соответствующего цвета, но на самом деле свет, действуя на органы зрения, возбуждает одновременно все эти три аппарата сетчатки или по меньшей мере два из них. Вследствие различной длины световых волн эти аппараты возбуждаются в различной степени. Особенности цветоощущения зависят от того, в какой мере возбуждены те или иные аппараты сетчатки. Когда возбуждение трёх аппаратов сетчатки одинаково велико, тогда мы получаем ощущение белого цвета, а когда происходит неравное возбуждение, тогда мы получаем ощущение хроматического цвета. Однако Гельмгольц не сказал, какова природа этих воспринимающих аппаратов. Учение Юнга — Гельмгольца о трёх светочувствительных волокнах зрительного аппарата остаётся пока гипотезой, так как никому ещё не удалось экспериментально доказать их существование.

Одним из фактов, на которых основана эта гипотеза, служит то, что путём оптического смешения трёх

указанных цветов можно получить все встречаемые в природе цвета. Кроме того, эта гипотеза даёт возможность объяснить явления частичной цветовой слепоты. Цветовая слепота возникает тогда, когда перестают функционировать особые воспринимающие аппараты сетчатки.

Ещё нет общепринятой теории, объясняющей механизм цветоощущений. Видимо, только тщательное изучение свойств сетчатки и её цветочувствительных элементов может дать в будущем полное разрешение этого вопроса. Каков бы, однако, ни был механизм восприятия цветов, несомненно одно: характер цветовых ощущений зависит не только от световой волны, но и от физиологических свойств сетчатки.

Таким образом, данные современного естествознания подтверждают правильность постановки и решения Лениным вопроса об объективном и субъективном моментах в ощущениях.

Теперь рассмотрим, как наука объясняет механизм слуховых ощущений.

Звук с точки зрения современной физики есть колебательное движение материальных частиц звучащего тела или передающей среды.

Человек, лишённый слуха, может воспринимать через посредство зрения и осязания колебательное движение звучащего тела. Тем не менее в его представлении не будет хватать чего-то самого основного, характерного для слуховых ощущений человека с нормально функционирующим органом слуха. Для глухого от рождения человека гармония, вся музыкальная область звука, созвучие и диссонанс будут в лучшем случае сухими математическими соотношениями. Характер слуховых ощущений зависит не только от воздействия вещей внешнего мира, но также и от анатомического строения органа слуха, от его физиологических свойств.

Если звучащие предметы (струна, камертон и др.) привести в колебательное движение, то они вызывают колебания частиц воздуха. Когда воздушные колебания попадают в ухо, то они вызывают колебания барабанной перепонки. Колебание последней через среднее ухо передаётся во внутреннее ухо, в котором находится особый аппарат — улитка — для восприятия звуков. В этой части уха имеется так называемый кортиев орган, воспринимаю-

щий звук. В кортиевом органе имеется около 4 000—4 500 воспринимающих аппаратов, каждый из которых способен воспринимать определённый тон. Следовательно, человек в состоянии воспринимать столько тонов, сколько имеется у него в кортиевом органе воспринимающих аппаратов. И действительно, человек с тонко развитым музыкальным ухом способен воспринимать около 4 000—4 500 тонов, но не больше.

Гельмгольц высказал предположение, что ощущения различных высот тонов есть ощущения в различных нервных волокнах. Мы способны ощущать различные оттенки звука. Это происходит оттого, что звук может вызвать ощущения одновременно в различных нервных волокнах. Из данного предположения он сделал вывод, что различное качество слуховых ощущений по высоте тона и оттенкам сводится лишь к различию нервных волокон. С этим выводом Гельмгольца, однако, нельзя согласиться. Это дань физиологическому идеализму. Этот вывод он сделал из учения И. Мюллера о специфической энергии чувств, согласно которому различное качество ощущений органов чувств зависит не от внешнего мира, а от различных нервных аппаратов.

Между ощущением человека и предметом, который оно отражает, есть сходство. Если бы между ними не было никакого сходства, то тогда вообще нельзя было бы говорить об отражении предмета в человеческом ощущении. Но сказать, что человеческое ощущение сходно с отражаемым им предметом, ещё не значит, что оно абсолютно тождественно с ним.

Мы сказали, что субъективность ощущений зависит не только от физиологического строения органов чувств, но также от общего состояния организма. Рассмотрим этот случай. Если человек находится в состоянии лихорадки, то мёд будет казаться ему горьким. Возьмём другой пример — ощущение боли. Одно и то же раздражение вызывает ощущения различной интенсивности. Если человек опустит два пальца руки с ненапряжёнными мышцами в стакан с солёной водой, то при прохождении электрического тока в стакане он отдёрнет руку, почувствовав некоторую боль. Но если мышца руки человека находится в напряжённом состоянии, то при прохождении такого же

электрического тока человек отдёрнет руку сильнее и боль почувствует также сильнее, чем в первый раз.

Точка нуль на термометре есть условная степень тепла. Мы привыкли, что температура ниже нуля на термометре обозначает «холод», а выше — «тепло». Насколько это относительно, видно из такого явления: если человека окружает температура в 30° холода по Цельсию, то ветер в 3° холода покажется ему тёплым. Или другой пример: если левую руку нагреть, а правую охладить и затем обе опустить в один и тот же сосуд с водой средней температуры, то левой руке вода будет казаться холодной, а правой — тёплой.

По вопросу об отражении предметов в ощущениях человека Ленин ведёт борьбу как против махистов, идеалистически отождествляющих предмет и образ, так и против тех, кто метафизически разрывает их, противопоставляет их друг другу. Конкретным выражением точки зрения последних является «теория иероглифов», или «символов» Гельмгольца.

Герман Гельмгольц — один из видных естествоиспытателей второй половины XIX века. Его перу принадлежит ряд работ по физиологии органов чувств. Несомненны его заслуги в области исследования органа зрения и его функций. Он установил, что человеческий глаз во многих отношениях ограничен и несовершенен. Он, например, не способен воспринимать ряд лучей даже солнечного спектра, он отражает иногда форму и величину предметов в искажённом виде и т. д. Но из этого факта Гельмгольц сделал ошибочные выводы агностического характера о том, что глаз даёт неверные сведения об окружающих предметах. Как известно, устройство нашего глаза ставит ему определённые пределы, да и в этих пределах не всегда даёт полную точность отражения. На этом основании Гельмгольц утверждал, что глаз даёт нам ложные сведения о свойствах видимых нами вещей. Энгельс, критикуя эту агностическую теорию Гельмгольца, указал, что такое устройство нашего глаза «не является абсолютной границей для человеческого познания» [1]. Наш глаз в пределах того, что показывает нам практика, даёт верное отражение

---

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, Госполитиздат, 1948, стр. 192.

действительности. Если бы зрительные ощущения не давали человеку объективно правильного представления о внешнем мире, то он не мог бы биологически приспособиться к окружающей среде. Зрительные ощущения, равно как и другие виды ощущений, дают человеку ориентировку в окружающем мире именно потому, что они отражают объективную реальность, которая существует вне и независимо от человека.

Гельмгольц утверждал, что между свойствами внешних предметов и качеством наших чувственных ощущений нет никакого сходства [1], и в подтверждение своей мысли он ссылался на закон И. Мюллера о так называемой специфической энергии чувства.

Сущность этого закона Гельмгольц определял так: каждому чувствительному нерву свойствен особый вид ощущения, который может быть вызван действием различных возбудителей. Зрительному нерву, например, свойственно только ощущение света, слуховому — только ощущение звука и т. д. И какими бы возбудителями их ни раздражали, в них всегда возникает только им присущий вид ощущения. С другой стороны, если мы станем действовать на различные органы чувств при помощи одного и того же возбудителя, то в каждом из них возникнет только тот вид ощущения, который соответствует специфической энергии его нерва. Отсюда Гельмгольц делает идеалистический вывод, что различия между ощущениями различных органов чувств зависят только от природы соответствующего нерва, а не от природы внешних возбудителей. Стало быть, источником ощущений является, по его мнению, не внешний мир, как это он сам утверждал в ряде своих работ, а нервное волокно.

В своей лекции «Философское и научное исследование зрения», прочитанной 27 февраля 1855 г. в Кёнигсберге, Гельмгольц сказал: «Качество наших ощущений, обозначает ли оно свет или теплоту, звук, вкус и т. д., зависит не от воспринятого внешнего объекта, но от чувствительного нерва, передающего ощущение» [2]. Если наши

---

[1] См. «Популярные речи Г. Гельмгольца», ч. 1, под ред. О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина, Спб. 1898, стр. 95.

[2] *Г. Гельмгольц,* Философское и научное исследование зрения, Спб. 1897, стр. 14.

ощущения целиком определяются природой органов чувств и не зависят от внешнего мира, то, стало быть, они не отражают этот мир. Такой идеалистический вывод неизбежно вытекает из закона специфической энергии чувства.

Скептики, как совершенно правильно отметил Геккель [1], из этого закона сделали тот вывод, что само существование внешнего мира подвергнуто сомнению, а крайние идеалисты стали утверждать, что весь мир существует только в нашем сознании. Стало быть, философский идеализм стремится подчинить себе выводы естественнонаучных открытий. Неустойчивость и шатания одной части естествоиспытателей в сторону «физиологического идеализма» он использовал для борьбы против материализма. Ленин отмечает, что ещё Л. Фейербах чрезвычайно метко схватил эту тенденцию к идеалистическому толкованию некоторых результатов физиологии [2]. Реакционные философы (Ф. Ланге, И. Ремке и др.) долгое время эксплоатировали связь этой части естествоиспытателей с философским идеализмом. Они козыряли физиологией в опровержение материализма и в пользу идеализма, преимущественно кантианского толка. Ещё в середине XIX века ряд крупных физиологов склонялся к философскому идеализму и кантианству. В числе их, как известно, был физиолог Иоганн Мюллер (1801—1858). «Идеализм этого физиолога, — пишет Ленин, — состоял в том, что, исследуя значение механизма наших органов чувств в их отношении к ощущениям, указывая, например, что ощущение света получается при различного рода воздействии на глаз, он склонен был выводить отсюда отрицание того, что наши ощущения суть образы объективной реальности» [3].

Но Гельмгольц пошёл даже дальше своего учителя И. Мюллера. Он расширил область применения закона специфической энергии чувства и «углубил» идеалистические выводы, вытекающие из него. Он заявлял, что даже качество ощущений различных цветов и тонов различной высоты зависит всецело и исключительно от специфической энергии зрительного и слухового нервов. Отсюда он и выводит свою «знаменитую» *теорию символов.* Сущность

---

[1] См. *Э. Геккель,* Мировые загадки, Огиз, 1937, стр. 334.
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 290.
[3] Там же.

последней заключается в том, что наши «ощущения по своему качеству суть только *знаки* внешних объектов» [1], а не изображения их. Изображение предполагает некоторое сходство с тем, что изображается. Например, если статуя изображает человека, то она должна иметь одинаковую или сходную форму с человеческим телом. А от знака этого не требуется. Для знака, говорит Гельмгольц, достаточно, чтобы он всякий раз обнаруживался, когда происходит процесс раздражения нервов наших органов чувств. Между нашими чувственными восприятиями и вызывающими их предметами нет никакого сходства, кроме одновременного их появления. Наши ощущения — это знаки, по которым человек выучился читать; они составляют тот язык, на котором внешние предметы говорят с человеком. Всякий человек должен научиться путём упражнения и опыта понимать этот язык, как он научился понимать свой родной язык.

Гельмгольц в области философии склонялся к кантианству. Так, с одной стороны, он рассматривал ощущения человека как символы внешних явлений и отвергал за ними всякое сходство с материальными вещами, которые они представляют. В этом Ленин усматривает агностицизм Гельмгольца. А с другой стороны, понятия и представления человека Гельмгольц рассматривал как результат «действий», которые производят на наше сознание вне нас находящиеся вещи. В этом Ленин видит материализм Гельмгольца.

Гельмгольц по-кантиански разрывал сознание и природу, идеи и действительность. Он утверждал, что идеи и объект (предмет) принадлежат к двум совершенно различным мирам. Поскольку он отрицал объективное содержание наших ощущений и представлений, сводя их лишь к условным знакам, символам для обозначения объектов, он скатывался к субъективизму, к отрицанию внешнего мира, к отрицанию объективной истины.

Критикуя Гельмгольца, Ленин пишет: «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних

[1] «Популярные речи Г. Гельмгольца», стр. 96.

предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов»[1].

Гельмгольц, как и многие крупные естествоиспытатели, непоследователен, противоречив и в вопросах философии постоянно путается. Поскольку он философ, постольку он идеалист преимущественно кантианского типа. Но поскольку он естествоиспытатель, постольку он материалист. Когда он перестаёт рассуждать как философ и выступает как естествоиспытатель, тогда он покидает идеализм и стихийно становится на точку зрения материализма. В области своей науки, поскольку он говорит о познании законов материального мира, он, несомненно, материалист, но в философии он идеалист и агностик.

Знаменитый русский физиолог Иван Михайлович Сеченов (1829—1905), которого К. А. Тимирязев и И. П. Павлов называли отцом физиологии, в своём очерке «Впечатления и действительность» ставит вопрос: можно ли считать наше сознание родом зеркала, отражающего окружающую действительность? Конечно, весьма любопытно знать, какое сходство имеют наши впечатления с теми предметами и явлениями внешнего мира, которыми они вызываются. В горном ландшафте, например, мы наблюдаем очертания, краски, свет и тени. Спрашивается: существует ли всё это в действительности или же только в наших представлениях? Не есть ли всё это лишь чувственные миражи, которые создаются нашей нервно-психической организацией?

При решении всех этих вопросов Сеченов решительно становился на точку зрения материализма. Он выступал против учения о непознаваемости мира, считая его несостоятельным. Громадные успехи естествознания, благодаря которым человек всё в более возрастающей степени покоряет себе силы природы, являются, по его мнению, неоспоримым доказательством познаваемости мира. Учение о принципиальной недоступности внешнего мира находится в непримиримом противоречии с естественнонаучной практикой, с блестящими успехами техники. Такова материалистическая позиция Сеченова.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 222.

Сеченов учил, что между нашими впечатлениями и действительностью всегда существует переходный мост, т. е. некое промежуточное звено, незнание которого послужило одной из причин, приведших к отрицанию познаваемости мира. Этим звеном является сам образ предмета. Когда человек получает, например, зрительное впечатление, то промежуточным звеном между внешним предметом и сознанием является «изображение внешнего предмета на дне глаза» [1], т. е. на сетчатой оболочке. Это изображение сходно с тем образом, который мы получаем на экране при помощи двояковыпуклой (чечевицеобразной) линзы. Такая аналогия вполне правомерна, ибо в человеческом глазе имеется хрусталик, или тело, имеющее форму двояковыпуклого стекла. Изображение внешнего предмета на сетчатке и производится, собственно говоря, этим хрусталиком. И подобно тому как физик говорит, что внешний предмет и его изображение, полученное двояковыпуклой линзой, сходны между собой, так и физиолог говорит, что внешний предмет и его образ на сетчатке сходны между собой. Таким образом, на экране и сетчатке мы получаем два сходных между собой чувственных знака, которые соответствуют изображению внешнего предмета. Отсюда Сеченов делает совершенно правильный вывод: сходство «внешнего предмета с его образом на сетчатке не подлежит сомнению» [2]. Но это ещё не всё. Мы пока получили сходство лишь между внешним предметом и его образом на сетчатке. Но ведь процесс познания на этом не останавливается. Полученный образ на сетчатке перерабатывается в сознание. Тогда возникает вопрос: существует ли сходство между образом на сетчатке и понятием, с одной стороны, и между понятием и внешним предметом, с другой стороны? Физиология, говорит Сеченов, на этот вопрос отвечает вполне утвердительно, ибо «сознание является не менее верным зеркалом, чем сетчатка с преломляющими средами глаза в отношении внешнего предмета» [3].

Сеченов весьма убедительно доказывал, что человеческий глаз приблизительно верно отражает фигуру,

---

[1] *И. М. Сеченов,* Впечатления и действительность, сб. «Элементы мысли», изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1943, стр. 78.

[2] Там же, стр. 79.

[3] Там же.

величину, движение и распределение предметов в пространстве. Причём он прямо заявлял, что в основе его учения лежит «присущее всякому человеку непреложное убеждение в существовании внешнего мира, непреложное в той же или даже значительно большей мере, чем уверенность всякого в том, что завтра, после сегодняшней ночи, будет день» [1]. Это и есть материализм. Учение Сеченова непримиримо ни с какой поповщиной. Оно научно доказывает, что материальной основой психической жизни является физиологический субстрат. Оно, несомненно, нанесло удар идеализму, который обожествляет сознание, рассматривая психическую жизнь как нечто сверхъестественное, потустороннее, мистическое.

Таковы взгляды Сеченова на теоретико-познавательные проблемы.

Плеханов, отстаивая теорию «иероглифов», ошибочно ссылался на Сеченова.

В одном из примечаний к первому изданию (1892) своего перевода книги Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов, ссылаясь на Сеченова, писал: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются» [2]. Эти слова Плеханова имеют тот смысл, что наши ощущения и представления являются не копиями действительных вещей и процессов природы, не изображением их, а условными знаками, символами, иероглифами. Махисты, в частности Базаров, с особенной радостью набросились на эту ошибочную точку зрения, лживо выставляя её как марксистскую с целью извращения диалектического материализма. На самом деле она не только ничего общего не имеет с марксистской теорией отражения, но в корне противоположна ей. Энгельс никогда и нигде не говорил ни об иероглифах, ни о символах, а везде и всегда подчёркивал, что ощущения и представления человека суть копии, снимки, изображения вне нас существующих вещей.

Критикуя ошибки Плеханова в вопросе об ощущениях, Ленин указывает, что, собственно говоря, эта теория

---

[1] *И. М. Сеченов,* Впечатления и действительность, сб. «Элементы мысли», изд. Академии наук СССР, М.—Л. 1943, стр. 87.

[2] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. VIII, стр. 408.

не нова в истории философии, что её придерживался уже упомянутый нами немецкий естествоиспытатель Гельмгольц. Последний, как мы уже видели, является одним из представителей идеалистической «теории символов». Ленин подчёркивает, что «теория символов», или «иероглифоз», вносит совершенно ненужный элемент агностицизма, она выражает недоверие по отношению к показаниям наших органов чувств. «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, *условный знак*. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что́ «отображается»» [1].

Впервые «теорию символов» Гельмгольца подверг критике Энгельс в своей работе «Диалектика природы», которая была опубликована только в 1925 г., т. е. после смерти Ленина. Тем замечательнее то, что ленинская критика «теории символов» Гельмгольца целиком совпадает с критикой Энгельса. Этот факт лишний раз показывает, что Энгельс и Ленин критиковали «иероглифическую теорию» с одной единственно правильной точки зрения — с позиции последовательного диалектического материализма. Ленин критикует эту теорию за агностицизм, за непонимание того, что ощущения суть не «условные знаки», а отражения объективно существующих вещей.

Ощущение как превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания

Марксистский философский материализм учит, что *ощущение есть результат воздействия внешних предметов на наши органы чувств, продукт особым образом организованной материи.*

Внешний мир является источником ощущений. Он, действуя на наши органы чувств, вызывает физиологическое возбуждение. Это возбуждение передаётся через чувствующие нервы в соответствующие центры мозга, в сенсорный центр коры головного мозга, где происходит превращение физиологического возбуждения в психический процесс, в ощущение. Ощущение, по Ленину, «есть превращение энергии внешнего раздражения в факт

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 223.

сознания»[1]. Энергия внешнего раздражения передаётся в мозговой центр следующим образом. Прежде чем превратиться в факт сознания, она сначала превращается в физиологический процесс, в возбуждение чувствующего нерва, а затем передаётся в мозг, превращаясь в факт сознания. Механизм этого превращения до настоящего времени ещё недостаточно исследован.

Для того чтобы понять процесс превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания, необходимо проследить, как функционируют органы чувств, как энергия внешнего раздражения превращается в физиологическую возбудимость, какие при этом физико-химические превращения происходят в них, как меняются функции рецепторов в зависимости от различных источников внешнего раздражения, и, главное, как физиологическая возбудимость превращается в явления психической жизни. Необходимо выяснить характер взаимосвязи между физико-химическими процессами во внешнем мире и физиологическими процессами в органах чувств и взаимосвязь между физиологическими процессами в органах чувств и психическими процессами в мозгу.

На вопрос, как энергия внешнего раздражения превращается в факт сознания, ответить очень трудно. Ответ на этот вопрос должен быть дан, конечно, не философией, а естествознанием. Но естествознание ещё точно не знает, что совершается в нервной системе, когда человек воспринимает какие-нибудь предметы внешнего мира. Однако исследования в этом направлении ведутся с большой настойчивостью и постепенно выясняют отдельные существенные моменты, характеризующие процесс превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания.

Восприятие

Используя различные органы чувств, дополняя их показания деятельностью памяти и мышления, человек оказывается способным чувственно отобразить не только отдельные стороны и свойства действительности, но и *предметы* внешнего мира. Эти — отнесённые к определённым предметам и отображающие их — комплексы ощущений называются *чувственными восприятиями*.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 39.

Чувственные восприятия, как и ощущения, есть непосредственная связь сознания с внешним миром, но в отличие от ощущения восприятие является более сложным процессом.

К чувственным восприятиям человека примешивается деятельность мышления. Я смотрю на данную вещь и воспринимаю её как часы, но я её воспринимаю как часы благодаря тому, что у меня сложилось представление о часах на основе прошлого опыта. Стало быть, когда человек воспринимает предметы и явления, то он уже имеет определённый запас знаний в виде представлений и понятий, которые выступают как предпосылка процесса познания, хотя на самом деле они являются результатом истории познания и практики. Человек должен понимать то, что он воспринимает. Человек, не знающий иностранного языка, не может воспринимать иностранную речь как речь. Понимание воспринимаемого является одной из характерных особенностей восприятия человека.

Способность понимать воспринимаемое вырабатывается в процессе практической деятельности.

Роль практики в правильном восприятии с особенной наглядностью обнаруживают наблюдения над восприятиями пространства слепорождённых, прозревших после операции. Установлено, что люди, бывшие от рождения слепыми много лет, а впоследствии прозревшие в результате успешной операции, в первое время не могли зрительно воспринимать форму предметов, различать предметы объёмные от плоскостных, их удалённость и т. д., пока они не научились при помощи ощупывания предметов и двигательного преодоления пространства между ними проверять показания органа зрения. Так, например, один слепорождённый после удачной, давшей ему зрение, операции, увидев квадрат, никак не мог понять, что это квадрат, до тех пор пока он не определил его путём ощупывания пальцами. Можно предположить, что если бы человек был с момента рождения лишён осязания, а затем после лечения, давшего ему способность осязания, стал с закрытыми глазами осязать квадрат, то он без помощи зрения сразу не понял бы, что это квадрат. Из этого можно сделать вывод, что способность понимать воспринимаемое вырабатывается в процессе практики.

Представление

Человек не удовлетворяется познанием того, что дают непосредственно органы чувств. Он стремится познать природу глубже.

К деятельности органов чувств присоединяется деятельность мышления. Благодаря этому данные чувственных восприятий обобщаются в форме представлений и понятий.

Представление есть промежуточное звено между чувственным восприятием и понятием. Оно, как и ощущение, есть субъективный образ объективного мира. Только в отличие от ощущений представления не находятся в такой непосредственной зависимости от чувственных предметов, как ощущения, ибо непосредственное присутствие вещей для представлений не обязательно. Человек может представлять себе предмет и тогда, когда он не ощущает его непосредственно. Он может представить себе самый отдалённый в пространстве и самый далёкий во времени предмет.

Представления отражают предметы и явления внешнего мира не непосредственно, а через посредство ощущений. Они, отбрасывая некоторые второстепенные признаки отображаемого, сохраняют более важные. Но вместе с тем они сохраняют чувственную форму образа предмета.

Что ближе к действительности: представление или мышление? На этот вопрос следует отвечать так: в некотором отношении представление ближе к действительности, чем мышление, а в некоторых отношениях, наоборот, представление, сохраняя наглядную, чувственную форму образа предмета, несомненно, дальше от действительности, чем мышление. «Представление, — говорит Ленин, — не может схватить движения в *целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300.000 *км* в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить» [1]. Приведём ещё один пример, поясняющий данное положение. Человек в чувственных представлениях не может схватить движения роста бороды на лице или движения часовой стрелки, но в мышлении он схватывает.

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 199.

В отличие от созерцания представления могут быть более «долговечными», т. е. более устойчивыми, но зато они лишены той ясности и свежести, которые характерны для живого созерцания.

Ощущая или созерцая какой-нибудь предмет, человек запечатлевает его образ в своём сознании. Но если этот образ запечатлён не прочно, смутно, то он спустя некоторое время улетучивается, испаряется и забывается. Если же человек вновь встречает и созерцает этот предмет, то его образ сравнительно легко пробуждается и восстанавливается в его памяти. При частом повторении созерцания одного и того же предмета, а иной раз и с первого раза человек прочно *запоминает* его образ, и благодаря этому он может воспроизвести образ в своём сознании и тогда, когда не созерцает предмет непосредственно. Но первоначально образ в сознании человека вызывается не им самим, а внешним предметом. Представление может воспроизвести прошлое. Это уже шаг вперёд по сравнению с тем, что дают ощущения. Оно воспроизводит образы тех предметов, которые некогда действовали на органы чувств. Более того, представление способно дать знание будущего.

Способность человеческого ума воспроизводить и строить образы предметов есть *воображение.*

Следует отметить, что воображение обладает относительной самостоятельностью, поэтому оно воспроизводит образы до известной степени произвольно, не нуждаясь в помощи непосредственного созерцания. Таким образом, в представлении возможно произвольное соединение отдельных свойств, или признаков, непосредственно в действительном мире не наблюдаемых в данной связи. На этой основе возникает фантазия.

Хотя представления отражают некоторые типичные черты предметов, но, ограниченные формой чувственного образа, они не в состоянии выделить сущность вещей, они не могут воспроизвести закономерность развития мира во всей её полноте.

Процесс мышления тесно связан с представлениями, без них мышление невозможно. Человек в своей мыслительной деятельности всегда оперирует теми или иными представлениями.

Проанализировав основные формы чувственного познания, мы видим, что сила чувственной достовер-

ности заключается в непосредственности живого созерцания.

Однако материальный мир сложен и многообразен. Для раскрытия заномерностей мира одного чувственного познания недостаточно. На помощь приходит *абстрактное мышление,* которое составляет вторую и вместе с тем высшую ступень процесса познания.

ЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

Абстрактное мышление

Ленин учит, что человеческое *познание* представляет собой процесс отражения, который начинается с ощущений и поднимается до диалектического мышления, отражающего в понятиях действительность во всём её многообразии. Этот процесс происходит на основе развития общественно-исторической практики, которая в классовом обществе выступает как практика определённого класса.

У человека и ощущение, и мышление суть различные моменты одного и того же процесса познания. Поэтому нельзя отрывать их друг от друга. Внешний мир воздействует на наши органы чувств, вызывает в них ощущение, но ощущения человека лишь в неразрывной связи с деятельностью мышления дают адэкватное отражение вне нас существующих предметов и их свойств.

Человек не в состоянии познать вечно развивающуюся действительность сразу, целиком. Но мы знаем, а повседневная практика подтверждает, что непознаваемых явлений в природе не существует и то, что не познано нами вчера, становится познанным сегодня, а то, что неизвестно сегодня, станет известным завтра и т. д. Наше незнание в процессе общественной практики превращается в знание, «вещь в себе» превращается в «вещь для нас». Этот исторический процесс превращения «вещи в себе» в «вещь для нас» и есть познание.

Говоря о процессе человеческого познания, Ленин вместе с тем даёт классическую характеристику сущности самого отражения.

«Познание, — пишет он, — есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы

в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения,* не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [1].

«Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc.» [2]

Для ленинского понимания отражения наиболее характерны два момента: 1) ощущение и мышление, т. е. всё человеческое познание, он рассматривает как отражение объективного мира; 2) самое отражение Ленин понимает как *процесс.*

Отражение есть совпадение (или соответствие, согласие и т. д.) ощущения и мысли с объективной реальностью, но это совпадение не полное, а лишь приблизительное. Отражение есть образ (т. е. картина, снимок, копия) объективного мира. Подобно тому как картина художника целиком не исчерпывает изображаемого предмета, так и познавательный образ не исчерпывает предмета.

Мышление качественно отличается от чувств, ощущений. Материализм прошлых столетий лишь смутно понимал это различие. Французский материализм XVIII века рассматривал мышление как универсальное чувство. Так, например, Дидро учил, что пять органов чувств — это своего рода свидетели, на основании показаний которых разум (судья) судит, выносит приговор. Если свидетели верны, хороши, но судья испорчен, то, значит, человек глуп. Чувство и разум, говорил Дидро, должны находиться во взаимной связи. Однако разум человека не должен беспрекословно подчиняться «деспотическим» чувствам, как это имеет место у животных. Чувства не должны господствовать над разумом. Дидро считает разум самым сильным органом, который судит беспристрастно. Он, по его мнению, сочетает ощущения и представления, рассматривает показания органов чувств, контролирует и осмысливает их, но не выходит за пределы их. И поскольку разум не выходит за пределы показаний органов чувств,

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 168.

[2] Там же, стр. 156.

а ограничивается лишь ими, связывая и сочетая их, поскольку он сам является чувством. В отличие от пяти органов чувств разум является универсальным органом чувств, или, как говорил Дидро, органом целостности, органом связи и соединения того, что пять органов чувств дают в отдельности, в разъединении.

Таким образом, Дидро рассматривает разум как шестое чувство, имеющее, как и другие пять органов чувств, свою особую функцию, именно функцию мышления. Для того чтобы мозг мог выполнять функцию мышления, ему необходимы объекты, так же как они нужны другим органам, чтобы ощущать.

Разум как универсальное чувство, по мнению Дидро, способен экспериментировать, предвидеть, избегать неприятностей и т. д., в то время как пять органов чувств не в состоянии этого делать. Из этого следует, что показания органов чувств могут быть достоверными только в том случае, если они будут находиться в соответствии с разумом или не будут противоречить ему. Дидро стоит на точке зрения единства разума и чувств, мышления и ощущения.

Однако французские материалисты XVIII века не ставили перед собой задачу исследования форм человеческого мышления, законов его развития. О понятиях, суждениях и умозаключениях они почти нигде ничего не говорили, но зато они много писали о происхождении наших знаний, об их источнике. Они, как отмечает Энгельс, ограничились лишь исследованием содержания человеческого познания, указанием на происхождение всего знания из опыта. О чувственном познании они писали много. В этом вопросе они стояли на материалистической позиции.

Наши чувства дают нам истинное знание вещей материального мира только в неразрывной связи с мышлением, и, наоборот, последнее без чувственного познания не в состоянии дать истинное знание.

Мышление без чувств не может дать знаний о предметах внешнего мира. То, что чувства дают в разъединении, мышление даёт в связном виде, в целостности. Однако оно связывает вещи не субъективно, не произвольно, а на основании тех признаков, которые даны чувствами; оно связывает лишь то, что в действитель-

ности связано; оно раскрывает такие отношения, которые реально существуют в природе между вещами. Исходным пунктом всякого акта познания является чувственность. Разум, исходя из данных органов чувств, познаёт объективную связь изучаемых предметов. Без раскрытия всеобщей связи явлений не может быть и речи об истинном познании, а всеобщая связь может быть вскрыта только мышлением.

Мышление не представляет собой механическую сумму ощущений, точно так же как и материальный мир не есть простой агрегат отдельных, внутренне не связанных друг с другом вещей. Мышление не есть универсальное чувство. Мышление качественно отличается от ощущения. В чём состоит основное различие между ними?

Прежде всего отметим, что и ощущение и мышление суть отражения объективного мира.

Содержанием как ощущения, так и мышления является внешний мир.

Ленин отмечал, что диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и переход от ощущения к мысли. Скачок от ощущения к мысли состоит в том, что совершается переход от отражения явления к отражению сущности, от непосредственного к опосредствованному, от единичного к общему.

Чтобы познать предмет, необходимы и ощущения и мышление. Без органов чувств научное познание мира невозможно. Но материальные вещи, кроме *отдельных* свойств, раскрываемых органами чувств, имеют ещё *общую* основу. Эта общая основа вещей есть их сущность. Сущность вещи — это её внутренняя закономерность, то, что составляет ядро, т. е. основное и главное в явлении.

Особенность ощущений состоит в том, что они отражают единичные вещи, их отдельные стороны, моменты, свойства, их внешнее проявление. Мышление же в отличие от ощущений, кроме того, отражает сущность вещей, их внутреннюю связь и взаимозависимость, их закономерность развития. Конечно, это не следует абсолютизировать. Нельзя это понимать в том смысле, что ощущения отражают лишь отдельные свойства явлений и ни в какой мере не способны отражать отношения вещей, их связи. Всякое отдельное явление тысячами переходов связано с другими отдельными явлениями (вещами,

процессами); оно не существует иначе, как в той связи, которая ведёт к общему.

Чувственное познание в основном является единичным, непосредственным и внешним, а логическое — всеобщим, опосредствованным, внутренним.

Мысли, в отличие от ощущений, имеют характер *всеобщности.* В истории философской мысли приводилось множество интересных примеров, взятых из реальной жизни, имеющих целью показать, что логическое познание без всеобщего невозможно. Уже обычно, когда ребёнку предлагают согласовывать имена прилагательные с именами существительными, то тем самым ему рекомендуют размышлять. Ребёнок, размышляя, должен поступать согласно общему правилу в частных случаях (правило есть всеобщее, и ребёнок должен единичное и особенное привести в соответствие с ним). Каждый человек в своих единичных и частных действиях должен соблюдать законы государства, он должен поступать согласно общим правилам поведения. А для этого опять-таки требуется размышление. Человек видит молнию и слышит гром. Он не удовлетворяется одним лишь знакомством с явлением. Он хочет знать, что скрывается за данным явлением, что является причиной и что следствием. Его не удовлетворяет одно внешнее явление, он стремится узнать внутреннюю сущность. Например, давно было замечено, что планеты постоянно меняют своё место на небе по отношению к другим небесным светилам. Они как бы блуждают среди остальных звёзд. (Отсюда и их название: планета буквально — блуждающая звезда.) Словом, на первый взгляд движение планет казалось беспорядочным, хаотичным. Но, изучив законы движения планет, люди раскрыли закономерности перемены ими мест. А знание законов даётся мышлением, его нельзя получить лишь одними внешними чувствами, ибо законы невидимы и неслышимы, и всем хорошо известно, что законы движения небесных тел не начертаны на небе.

Мышление отражает вещи в их сущности, в их связи, в их отношениях к другим вещам. А сущность вещей не даётся нам непосредственно. Чтобы раскрыть её, необходимо размышление. Только посредством логической переработки непосредственных чувственных впечатлений че-

ловек познаёт внутреннюю связь вещей, их сущность и закономерность.

Ощущения отражают действительность *непосредственно.* Это значит, что между ощущениями и действительностью, которую они отражают в процессе практической деятельности человека, нет никаких промежуточных или посредствующих звеньев.

Мышление же является *опосредованным* отражением действительности. Это значит, что между мышлением человека и отражаемой им действительностью есть посредствующее звено, и этим посредствующим звеном является ощущение.

Чувственное познание характеризуется тем, что оно отражает предметы в их непосредственности. По этой причине оно не может решить вопрос о происхождении тех или иных явлений и о тенденциях их развития.

Всякий предмет имеет бесчисленное множество свойств, которые раскрываются в отношении к другим предметам. Чувственное познание, отражая единичные предметы, выходит за пределы единичности, так как каждый единичный предмет связан со всеми другими предметами мира. Поэтому оно допускает не только существование единичного предмета, составляющего непосредственно его объект, но и существование других единичных предметов. Следовательно, чувственное познание, рассматривая непосредственно какой-нибудь единичный предмет, с необходимостью должно перейти к рассмотрению его связи с другими предметами.

Логическая мысль свободна от чувственного материала, но она из него вырастает, его предполагает, имеет его своей основой. Материалом для мышления служат чувственные восприятия. Ощущения составляют непосредственный источник логического познания. Именно из ощущений возникают все наши мысленные изображения: понятия, суждения и умозаключения.

Понятия имеют своим непосредственным источником ощущения и происходят от них, но ощущения в свою очередь имеют своим источником внешний мир и порождаются им. Следовательно, источником понятий *в конечном счёте* является внешний мир, они им порождаются и определяются.

Умственная деятельность человека проявляется в форме *отвлечения* и *обобщения*.

В основе мыслительной операции *отвлечения* лежит способность различения, разделения, или анализа. Если бы наш ум не был способен различать отдельные предметы и явления мира, то он не мог бы познавать их. Какой высокой степени развития достигла эта способность, показывает тот факт, что словарь современного культурного языка содержит в себе свыше 100 тысяч слов. Такое огромное количество слов свидетельствует о том, как далеко пошёл процесс различения предметов и явлений у современных народов.

Существует целый ряд естественных причин, обусловливающих способность отвлечения. Очень часто отдельные предметы и явления природы оказывают сильное влияние на человека каким-либо одним своим свойством. Это, естественно, вынуждает человека сосредоточивать своё внимание на данном свойстве, которым все остальные свойства предмета затемняются, как бы отходя на задний план. Таким образом, выделяется и обособляется отдельное свойство предмета из ряда других. Солнце, например, имеет много свойств и особенностей. Но первое, что бросается в глаза, — это то, что оно светит и греет. Само собой понятно, что свойство солнца светить и греть привлекло внимание человека раньше, чем другие его свойства.

Человек способен различать отдельные явления потому, что у него имеются различные органы чувств, приспособленные к восприятию отдельных сторон или свойств того или иного предмета. Человек стремится изучить какое-нибудь одно свойство предмета, но предмет имеет не одно, а много свойств, каждое из которых неразрывно связано со всеми другими. Поэтому, чтобы выделить одно свойство предмета из других, необходимы известные усилия, внимание, упражнение, упорство, напряжение, выдержка. Деятельность ума, таким образом, вступает в противоречие с действительностью: она стремится обособить то, что на самом деле связано.

Однако способность отвлечения есть лишь одна сторона деятельности мышления. Наше мышление способно не только различать и анализировать, но и связывать различимое в одно целое, синтезировать, *обобщать*.

Абстрактное мышление в результате обобщений большого количества фактов создаёт понятия, отображающие предметы и явления природы и общества, законы движения и развития их. Оно обобщает то, что является наиболее типичным для множества единичных вещей.

Явление доступно непосредственно чувственным восприятиям, но сущность вещи может быть раскрыта только мышлением. На первый взгляд кажется, что мышление дальше отходит от действительности, чем ощущения. Но оно отходит дальше для того, чтобы лучше познать. Ленин показывает, что научные абстракции, т. е. научные понятия (как, например, понятие «закон природы»), отражают внешний мир глубже, вернее, полнее.

Материальный мир бесконечен. Человеческий ум не может отобразить его сразу, целиком. Поэтому он его «рассекает» на отдельные моменты, стороны, частицы и выражает в понятиях, суждениях и умозаключениях.

Понятие

Понятия, как и ощущения и представления, суть субъективные образы объективного мира. Но ощущения и представления суть *чувственные* образы вещей, а понятия суть *логические*, или *умственные*, образы вещей. Ленин говорил, что понятия человека субъективны в своей абстрактности, оторванности, но они объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике.

Понятие в отличие от ощущения лишено вещества чувственности. Поэтому его нельзя ни созерцать, ни представлять. Например, стоимость остаётся для органов чувств неуловимой. Если каждый отдельный товар можно ощупывать и разглядывать, то стоимость нельзя видеть глазами, слышать ушами, ощущать руками, ибо она, говорит Ленин, есть категория, лишённая вещества чувственности. Но стоимость отражает развитие товарного хозяйства глубже и вернее, чем закон спроса и предложения.

Понятия суть *результаты* обобщения данных опыта, *итоги* изучения мира. Так, например, результатом обобщения опыта мирового революционного движения явились понятия: «диктатура пролетариата», «научный

коммунизм» и др.; результатом философских исследований — понятия: «материя» и «движение», «необходимость» и «случайность» и др.; итогом изучения состава вещества — понятия: «химический элемент», «углевод» и «углеводород» и т. д. и т. п.

Всеобщность составляет первую отличительную черту понятия. Но всеобщее включает в себя всё многообразие *особенного* и *единичного*. В реальной действительности всеобщее, особенное и единичное не существуют изолированно друг от друга, они всегда находятся в неразрывной связи, переходя одно в другое.

Как известно, Гегель часто иллюстрировал переход от единичного к особенному и от особенного к всеобщему на примере перехода: индивид, вид, род. Но, установив соотношение единичного, особенного и всеобщего, Гегель вместе с тем последнему приписывал мистическую роль. В гегелевской логике общее понятие выступает как творец действительности, а природа — как момент развития абстракции. В этом выражается идеалистическая сущность учения Гегеля о понятии.

Взаимосвязь общего, особенного и единичного составляет основу диалектического учения о понятии.

Всякое определение *понятия* содержит в себе три момента: всеобщее (род), особенное (определённость рода) и единичное (определяемый предмет). Дать определение какого-нибудь понятия — это значит, говорит Ленин, «подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие» [1].

Правильность или ошибочность даваемого определения зависит от исходного пункта. Если исходное положение верно, проверено наблюдениями и опытом, то при соблюдении логических правил определение будет правильным.

Если предмет имеет много различных сторон, то, стало быть, он может иметь много определений. Чем богаче предмет, тем больше определений будет ему дано.

Обобщение — одна из самых характерных черт абстрактного понятия. Но уже самое элементарное обобщение, подчёркивает Ленин, означает познание закономер-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 133.

ностей, всё более и более глубоких объективных связей материального мира. Мышление отбрасывает второстепенные стороны, ряд деталей, берёт только то, что является наиболее типичным для данного предмета или группы предметов. Например, понятие «человек» представляет собой известный результат обобщения. В нём выражено то, что является наиболее общим и существенным для всех людей всего земного шара. Каждый человек имеет свои индивидуальные особенности: человек — женщина или мужчина; он — представитель того или иного класса в классовом обществе; он принадлежит к той или иной национальности; он может быть молодым или старым, здоровым или больным, умным или глупым и т. д. Понятие «человек» отражает то, что является главным для всех людей, безотносительно к тому, что каждый человек имеет множество индивидуальных черт, присущих лишь ему одному.

Процесс образования понятий есть процесс *отвлечения* от ряда второстепенных признаков или свойств предмета. Например, понятие «животное» образуется путём отбрасывания того, что отличает животных друг от друга, и сохранения того, что обще всем животным. Но образование понятия не означает абсолютного отвлечения от реальных вещей. Оно не абстрагируется от сущности, которая может быть раскрыта только в понятии. Абстрактное мышление путём логической операции отвлечения и обобщения извлекает из реально существующих вещей то, что составляет их сущность. Мысль человека не должна оставаться общей и пустой, она должна быть конкретной, проникающей в сущность вещей. Таким образом, процесс образования понятия о предмете есть процесс отбрасывания деталей, т. е. второстепенных моментов предмета, и обнаружения или раскрытия сущности, т. е. главного, решающего в нём.

Поскольку понятие выражает определённую объективную реальность, постольку оно есть нечто определённое, включающее в себя многообразие. Понятие, которое отражает реально существующий мир, есть *конкретное понятие*. Конкретное, по выражению Маркса, есть сочетание многочисленных определений, единство многообразия. Примером конкретного понятия может служить сталинское определение нации.

«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [1].

Товарищ Сталин подчёркивает, что достаточно отсутствия хотя бы одного из указанных признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Понятие представляет собой своеобразное единство противоположностей. Каждое конкретное понятие представляет собой единство общего, особенного и единичного. Скажем, понятие «яблоня» обозначает одновременно то общее, что характерно для всех деревьев вообще, и те особенности, которые свойственны фруктовым деревьям.

Конечно, абстрактное мышление отходит от действительности, это верно, но оно отходит для того, чтобы лучше познать. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее»* [2].

Маркс исследовал законы движения капитализма. Но при анализе экономических форм он не пользовался, как он об этом сам говорил, ни микроскопом, ни химическими реактивами. Пользуясь силой абстракции, Маркс открыл законы изменения буржуазного общества, показал объективную логику их исторического развития.

Когда мы говорим о реальном производстве, то мы имеем в виду производство, находящееся на определённой ступени общественного развития. Истории человеческого общества известны пять основных способов производства: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический. Производство всегда есть производство определённой исторической эпохи. Более того, производство всегда представляет собой особую отрасль производства, как, например, земледелие, ремесло и т. д. И тем не менее, несмотря на всё это, классики марксизма-ленинизма гово-

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 2, стр. 296.

[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 146.

рят о производстве вообще. Правомерно ли это? Да, ведь производство во все исторические эпохи имеет некоторые сходные черты, составляющие его общность. «*Производство вообще,* это — абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно подчеркивает общее, фиксирует его и избавляет нас таким образом от повторений. Между тем это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто, многократно расчлененное, и выражается в различных определениях» [1]. Кое-что из этого общего характерно для производства всех эпох. Так, например, способ производства каждой исторической эпохи составляет главную силу развития, определяющую характер общественного строя. Производство каждой исторической эпохи имеет две стороны: одна из них выражает отношения людей к предметам и силам природы, используемым, по выражению товарища Сталина, для производства материальных благ, а другая — отношения людей друг к другу в процессе производства. Кое-какие признаки производства общи не для всех исторических эпох, а только для некоторых из них. Например, классовая борьба между эксплоататорами и эксплоатируемыми характерна для рабовладельческого, феодального и буржуазного общества.

Всё это, вместе взятое, показывает, что способы производства всех времён и всех народов представляют известное единство. Это единство вытекает уже из того, что объектом производства являются предметы природы, а субъектом (т. е. носителем, производителем) — люди. Однако, выделяя определения, общие для производства вообще, мы не должны забывать из-за единства и существенные различия. В забвении этого заключается, по замечанию Маркса, вся мудрость тех буржуазных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию социальных отношений капиталистического строя. Они рассуждают примерно так: без орудий производства и предшествующего накопленного труда никакое производство невозможно. А так как капитал, говорит Маркс, есть, между прочим, также и орудие производства и накопленный труд, то отсюда идеологи буржуазии делают вывод, что, следовательно, капитал есть всеобщее и вечное

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 175.

отношение. Теоретическая ошибка их заключается в том, что они отбрасывают то специфическое, особенное, характерное, что одно лишь делает «орудие производства» капиталом. Маркс разоблачил классовую подоплёку такого приёма исследования буржуазных экономистов.

Буржуазные экономисты (например, Джон-Стюарт Милль) начинали свои исследования с анализа всеобщих условий всякого производства. Они различали общие условия (благоприятный климат, плодородие почвы, близость к морю и т. д.), без которых производство невозможно. Причём производство они представляли как нечто, заключённое в рамки вечных законов природы, не зависимых от истории человечества, а буржуазные отношения ими незаметно подсовывались как непреложные, естественные законы общества.

«Есть определения, — писал Маркс, — общие всем ступеням производства, которые фиксируются мышлением как всеобщие; однако так называемые *всеобщие условия* всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя»[1].

Необходимо чётко различать диалектический и метафизический подход к понятиям.

Для метафизики все понятия, как и вообще законы мышления, есть нечто абсолютное, неизменное, неподвижное, окостенелое. Для диалектики, наоборот, существенно признание изменчивости понятий, всесторонней гибкости их, доходящей до тождества противоположностей. Отражая мир, они развиваются, переходят друг в друга; без этого они не могли бы отражать живую действительность, потому что природа и общество во всём своём многообразии постоянно изменяются. Если бы понятия не изменялись, оставались бы мёртвыми, застывшими, то они не могли бы правильно отражать объективную связь явлений природы и человеческого общества, где всё находится в постоянном движении, изменении, развитии, вплоть до превращения в свою противоположность.

Изменение понятий отображает изменения, происходящие в объективной действительности. Это можно проследить на примере изменения природы рабочего класса

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. 1, стр. 178.

СССР. Классики марксизма-ленинизма отвергли абстрактный, метафизический подход к понятию класса.

Товарищ Сталин в своём докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов дал замечательную, глубоко научную характеристику классов, существующих в СССР в настоящее время. Он показал, что наш рабочий класс уже нельзя назвать пролетариатом. Пролетариат — это класс, эксплоатируемый классом капиталистов. Пролетариат — это класс, лишённый орудий и средств производства. А у нас рабочий класс разгромил класс капиталистов, отобрал у капиталистов орудия и средства производства и уничтожил те условия, которые порождают эксплоатацию человека человеком. У нас эксплоататорские классы — капиталисты, помещики и кулаки — уже ликвидированы, исключена всякая возможность эксплоатации человека человеком. Рабочий класс является руководящей силой, направляющей советское общество по пути коммунизма. Следовательно, пролетариат СССР *изменился, превратился в совершенно новый класс,* именно в рабочий класс СССР, который уничтожил капиталистическую собственность на орудия и средства производства, уничтожил эксплоататорские классы и утвердил социалистическую систему хозяйства. Стало быть, рабочий класс СССР является совершенно новым классом, освобождённым от эксплоатации, подобного которому ещё не было во всей истории человечества.

«Если *все* развивается, — говорит Ленин, — то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [1].

Это ленинское положение направлено против метафизической трактовки понятий и категорий мышления.

Ни одна наука не может обойтись без тех или иных отвлечённых понятий. Всякий учёный, в какой бы области науки он ни работал, пользуется определёнными понятиями.

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 239.

Мышление есть отражение внешнего мира в мозгу человека. Но это отражение представляет собой очень сложный и противоречивый процесс. Ленин говорил, что человеческое сознание не только отражает «объективный мир, но и творит его»[1].

Оно играет активную творческую роль в развитии окружающей действительности. Человеческое сознание — целенаправленный и активный процесс. Человек зависит от внешнего мира — внешний мир определяет всю его деятельность. Однако этот мир не удовлетворяет человека, и он своей практической деятельностью изменяет его. В борьбе с природой, в борьбе за своё существование человек ставит перед собой определённые цели, к осуществлению которых он стремится. Хотя человеку и кажется, замечает Ленин, что его цели независимы от объективного мира, но на самом деле его цели подчинены объективному миру, ибо они порождаются и определяются последним.

Целью человеческого познания является подчинение природы власти человека. Марксистский философский материализм подчёркивает действенность человеческого мышления. Человек может гордиться тем, что благодаря своему разуму он измеряет расстояние между звёздами, взвешивает небесные тела, определяет их химический состав, проникает во внутреннее строение отдалённых планет, Солнца и звёзд. Разум — могучее оружие человечества в борьбе с природой. Переделка мира соответственно интересам и потребностям человечества есть доказательство верного отражения объективного мира в понятиях.

Суждение

И понятие и суждение суть формы человеческого мышления, отображающего сущность предметов и явлений объективного мира.

Суждение есть такая форма мышления, в которой человек выражает вещь в её связях и отношениях.

Энгельс группирует суждения на:

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 184.

1) суждения единичности (например: «трение есть источник теплоты»);

2) суждения особенности (например: «механическая, т. е. особенная, форма движения есть источник теплоты»);

3) суждения всеобщности (например: «любая форма движения способна превращаться в любую другую форму движения»).

Классификация суждений, данная Энгельсом, является вполне естественной, ибо она выражает поступательное движение человеческого познания, его закономерное развитие от простого к сложному, от низшего к высшему. Суждения единичности, особенности и всеобщности представляют собой различные формы движения мышления, они вместе с тем в какой-то мере отражают последовательные ступени, пройденные историей познания.

Уже первобытные люди, отмечает Энгельс, на практике знали, что теплота порождается трением, поскольку они путём трения добывали огонь, а ещё раньше растиранием согревали холодные части своего тела. Но прежде чем человек мог высказать суждение: «трение есть вообще источник теплоты», прошло, повидимому, много тысячелетий.

Потребовались новые тысячелетия, чтобы естествоиспытатели смогли изучить этот процесс и смогли высказать суждение особенности: «всякое механическое движение есть источник теплоты». Таким образом, потребовалось много тысячелетий для того, чтобы человечество могло подняться от суждения единичности, где просто констатируется единичный факт, до суждения особенности. Но затем, говорит Энгельс, дело пошло быстрее. Прошло ещё немного лет, и наука смогла сформулировать высшую форму суждения, именно суждение всеобщности: «любая форма движения при определённых условиях способна превратиться в любую другую форму».

Коротко рассмотрев историю развития человеческих знаний о превращении форм движения материи друг в друга, Энгельс приходит к выводу, что различные виды суждений выражают общие закономерности развития человеческого познания.

Приведём ещё один пример из истории естествознания. Основоположник научной механики Галилео Галилей в 1632 г. сформулировал так называемый классический принцип относительности, который гласит: механические явления совершаются абсолютно одинаково как в покоящейся системе, так и в системе, находящейся в состоянии прямолинейного и равномерного движения. Например, падение тела с потолка движущегося прямолинейно и равномерно вагона происходит точно так же (по прямой вертикально вниз), как и в покоящемся вагоне (это — суждение единичности).

Но с тех пор прошло около трёх столетий, и в науке накопился новый фактический материал, который был систематизирован и обобщён Альбертом Эйнштейном (в 1905 г.) в специальном принципе относительности. Этот принцип гласит: не только механические, но и физические явления происходят абсолютно одинаково как в покоящейся системе, так и в системе, находящейся в состоянии прямолинейного и равномерного движения. Например, в герметически закрытом вагоне, находящемся в системе прямолинейного и равномерного движения, не только механические, но и физические процессы, как то: распространение звука, света и т. д., совершаются абсолютно так же, как и в покоящемся вагоне. Так что нельзя никакими механическими и физическими экспериментами обнаружить, движется или покоится данный вагон. Это суждение можно рассматривать как суждение особенности.

Через одиннадцать лет (в 1916 г.) Эйнштейн расширил специальный, или частный, принцип относительности в общий принцип: законы всех физических явлений, справедливые в какой-нибудь покоящейся системе, остаются справедливыми не только в системе прямолинейного и равномерного движения, но и во всех других системах движения (криволинейного, вращательного, ускоренного и т. д.).

Этим самым суждение особенности было поднято на более высокую ступень. Таким образом, общий принцип относительности в ходе истории познания физических процессов можно рассматривать как суждение всеобщности.

Такая же закономерность движения человеческого познания от единичного через особенное ко всеобщему наблюдается и в области общественных наук.

«Труд», например, представляет собой простейшую экономическую категорию. Представление о «труде вообще» является весьма древним. Однако эта простейшая абстракция («труд вообще») достигла своего полного развития только в развитых отношениях буржуазного общества. Маркс во «Введении к «К критике политической экономии»» кратко излагает историю развития этого понятия [1].

Так называемые меркантилисты источник общественного богатства видели в торговле, в накоплении денег. Большим прогрессом по отношению к теориям меркантилистов была физиократическая система, которая полагала, что богатство создаёт *определённая* форма труда, именно сельскохозяйственный труд. Причём результат труда она рассматривала как продукт вообще, но с тем ограничением, что это есть продукт земледелия, продукт земли и т. д., т. е. с определёнными природными свойствами.

Адам Смит пошёл дальше физиократов в понимании труда, создающего богатство. Он отбросил всякую особенность труда и на место труда мануфактурного, коммерческого и сельскохозяйственного поставил труд вообще. Труд, утратив свою специфическую связь с определённым видом деятельности, выступает просто как средство создания богатства вообще. Безразличие к определённому виду труда соответствует развитому общественному разделению труда.

Политическая экономия прошла длинный и сложный путь, прежде чем смогла раскрыть абстрактную категорию «труд вообще» для выражения простейшего и весьма древнего отношения, в котором люди выступают просто как производители. «Так вообще, — резюмирует Маркс,— наиболее всеобщие абстракции возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же свойство обще многим или всем элементам» [2].

Хотя абстрактная категория «труд вообще» имеет силу для всех исторических эпох, но наибольшее значение

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 193—195.
[2] Там же, стр. 194.

она приобретает только в развитых исторических условиях буржуазного общества. Поэтому её можно рассматривать как продукт этих исторических условий. Отсюда Маркс сделал вывод: подобно тому как анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, так экономическая структура буржуазного общества есть ключ к более глубокому пониманию экономического строения предшествующих обществ. Так как капитализм является наиболее развитым из всех досоциалистических обществ, то категории, выражающие его отношения, дают возможность глубже проникнуть в экономику отживших форм общества. В строении организма низших видов животных имеются зачатки строения высших видов, но они могут быть поняты только тогда, когда эти высшие формы уже стали известны. Следовательно, высшие формы развиваются из низших.

Умозаключение

Всякое умозаключение предполагает отношение, или, вернее, систему суждений.

Умозаключение представляет собой логический процесс выведения заключения из данных суждений.

Истинность, т. е. правильность, вывода в конечном счёте доказывается практикой. Приведём пример. Ленин в 1915 г. из закона неравномерного экономического и политического развития капитализма эпохи империализма сделал гениальный вывод о возможности победы социализма в одной стране. Этот вывод является истинным, так как возможность победы социализма в одной стране доказана практикой: социализм в основном уже осуществлён на деле в СССР. Это не значит, что данный ленинский вывод стал истинным только с победой социализма в нашей стране. Нет. Ленинский вывод был истинным и в 1915 г., когда пролетарская революция ещё не победила, так как, с одной стороны, он исходил из факта (закон неравномерного развития капитализма), проверенного практикой, т. е. объективным ходом истории развития империализма, а с другой стороны, вывод сделан в соответствии с законами материалистической диалектики.

Этот пример очень ярко показывает, как велика познавательная роль умозаключения. Если посылки умоза-

ключения верны и человек правильно применяет законы мышления, то и вывод должен верно отражать действительность. Законы мышления, говорил Энгельс, должны соответствовать законам объективного мира.

Вывод всякого умозаключения может дать и даёт новое знание по сравнению с тем, что содержится в посылках. Вывод может также воспроизвести и прошлое. Например, на Альпах были найдены в большом количестве морские раковины. Из этого факта учёные сделали вывод, что Альпы некогда были дном моря. В земной коре найдены кости животных. По этим находкам учёные умозаключили, что в глубокой древности на земле жили мамонты и другие животные.

Вывод может быть особой формой предвидения. Исходя из закона неравномерного развития капитализма, Ленин гениально предсказал возможность победы социализма в одной стране.

Следовательно, вывод способен давать и даёт новое знание по сравнению с тем, что дано в посылках. Исходя из выраженного в посылках знания, можно сделать правильный вывод, содержащий в себе новое знание, которое не дано ещё в посылках. Это оказывается возможным благодаря тому, что существуют объективные связи и отношения вещей, которые раскрываются, или, вернее, отражаются в выводе.

Всякий вывод умозаключения нуждается в *доказательстве.* Диалектический материализм учит, что единственным критерием достоверности истины является практика. Но «при этом не надо забывать, что критерий практики, — писал Ленин, — никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления» [1].

Чтобы удостовериться путём опыта в истинности, скажем, закона Архимеда («всякое тело, погружённое в жидкость, теряет в своём весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость»), пришлось бы погружать все существующие тела в жидкость, да и не в одну жидкость, а во все существующие жидкости, а это практически невозможно, и, чтобы убедиться в правильности данного закона, вовсе нет нужды погружать все тела в жидкость

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 130.

или во все жидкости. Достаточно нескольких погружений некоторых тел в жидкость, для того чтобы можно было с помощью умозаключения судить об истинности закона Архимеда.

Всё это говорит о том, что кроме опытного, т. е. практического, доказательства необходимо ещё логическое, или теоретическое, доказательство. Это не значит, что мы признаём два критерия: критерий практики и критерий теории. Отнюдь нет, ибо всякая теория порождается и в конечном счёте проверяется практикой.

Логическое доказательство, если оно правильно, само представляет из себя не что иное, как откристаллизованную в мышлении практику всей истории человечества.

Марксизм безусловно признаёт необходимость логического доказательства.

Всякое доказательство включает в себя три момента: 1) тезис, т. е. исходное положение, которое требуется доказать, 2) аргументы, т. е. то, при помощи чего доказывается исходное положение, и 3) приём, при помощи которого из аргументов выводится тезис.

Знание логических приёмов доказательства имеет важное значение для практической жизни и для научной деятельности. Оно дисциплинирует мысль, придаёт аргументации убедительность, стройность и последовательность изложения и тем облегчает решение поставленной задачи.

Не только в научной работе, но и в повседневной практической жизни человек пользуется умозаключениями. Когда, допустим, человек зимой просыпается рано утром и слышит за окном скрип саней, то он умозаключает, что на улице сильный мороз. Подобного рода умственную операцию очень часто совершает каждый человек в своей обыденной жизни.

Умозаключение является одной из форм человеческого мышления, оно отражает процесс связи и взаимоотношения между материальными вещами. Оно субъективно, потому что является образом внешнего мира, возникшим в уме человека, но оно и объективно, потому что в нём имеется такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества.

Логические фигуры, которыми обычно оперирует логика, выражают реальные отношения и связи вещей. Так как отношения и связи вещей разнообразны и многочи-

сленны, то и формы умозаключений также разнообразны и многочисленны.

Поскольку всё учение о понятии движется, по замечанию Энгельса, в рамках трёх категорий: единичности, особенности и всеобщности, то следует признать наиболее естественной группировку форм умозаключений соответственно характеру тех способов, которыми совершается переход от единичного к особенному и от особенного к всеобщему.

Соответственно тому, как движется познание — от частного к общему, или, наоборот, от общего к частному, — следует различать две основные формы умозаключения: индукцию (наведение) и дедукцию (выведение).

Примером дедуктивного умозаключения может служить следующий силлогизм:

Все люди смертны.
Кай — человек.
Следовательно, Кай смертен.

Всякий человек пользуется аналогичными умозаключениями в своей жизни. Особенно велико значение дедуктивных умозаключений в математике и прежде всего в геометрии. Например, французский астроном Леверье в 1846 г. путём математических вычислений совершил, по словам Энгельса, научный подвиг: открыл существование планеты Нептун, исходя из так называемых возмущений (отклонений), вызываемых силой тяготения в то время ещё не известного Нептуна в движении планеты Уран.

Однако не следует переоценивать роль дедукции. Знание общих законов есть результат изучения огромного количества отдельных явлений. Поэтому индукция является предпосылкой дедукции. Прежде чем человек дошёл, скажем, до знания, что любая форма движения при известных условиях способна превращаться в любую иную форму движения, он прошёл длинную эволюцию. Он раньше узнал, что трение есть источник теплоты, затем, что всякое механическое движение есть источник теплоты, и только впоследствии, как мы уже говорили, он раскрыл закон природы в его всеобщности. Таким образом, общее знание (понятие, законы и т. д.) составляет не исходный пункт познания, а результат истории познания, продукт

общественно-исторической практики. Но в процессе логического познания оно может быть исходным пунктом постольку, поскольку люди имеют определённый запас общих знаний.

Познание человека в форме понятий есть процесс восхождения от конкретного (живого созерцания) к абстрактному. В результате этого движения мышление (речь идёт о правильном мышлении) подходит к истине, а не отходит от неё.

Маркс в своём «Введении к «К критике политической экономии»» говорит о двух методах исследования экономических отношений. Один из них — метод, идущий от конкретного к абстрактному. Этим методом пользовались буржуазные экономисты до Маркса. И другой — метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Экономисты XVII века обычно начинали с живого целого (население, нации, государства и т. д.) и заканчивали тем, что путём анализа выделяли некоторые определяющие общие отношения, как стоимость, деньги, разделение труда и т. д. И этот метод был единственно правильным в условиях того времени. Но после того как накопился определённый фактический материал, доставляемый непосредственно живым созерцанием, и были более или менее абстрагированы и зафиксированы такие всеобщие отношения, как разделение труда, стоимость, деньги и т. д., тогда стало возможным восхождение от абстрактного к конкретному, т. е. от анализа простейших отношений (товар, стоимость, труд и т. д.) к исследованию богатых совокупностей, имеющих многочисленные определения и отношения (государство, международный обмен, мировой рынок и т. д.). Этот метод восхождения от абстрактного к конкретному, по Марксу, является правильным в научном отношении, ибо целью экономической науки последующего периода было раскрытие законов экономического движения общества, а зако́ны не могут быть раскрыты и поняты без абстрактного мышления.

В реальной жизни конкретное является исходным пунктом, поэтому оно служит вместе с тем и исходным пунктом живого созерцания. При методе исследования, когда изучение предмета политической экономии начинается с реального и конкретного, чувственные представления испаряются до степени простейших абстрактных

определений, а при методе восхождения от абстрактного к конкретному абстрактные определения путём мышления воспроизводят конкретное, т. е. реальную действительность. Гегель, будучи идеалистом, отождествил процесс духовного воспроизведения конкретной действительности в мышлении с процессом возникновения и создания самой действительности. На самом же деле «метод восхождения от абстрактного к конкретному, — писал Маркс, — есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [1].

Маркс начинает своё исследование с того, с чего начинает история. Он в «Капитале» сначала анализирует обмен товаров, являющийся самым простым и вместе с тем самым массовидным, как говорит Ленин, отношением буржуазного (товарного) общества. Обмен товаров существовал ещё задолго до возникновения капитализма. Но, начав с того, с чего началась действительная история, Маркс в своём труде следует ходу истории не во всех его деталях и перипетиях. Его логическое исследование отображает только *общий* ход истории, отвлекаясь от подробностей и случайностей. Если бы Маркс следовал всюду и везде действительному ходу истории со всеми его зигзагами, то он никогда не мог бы закончить своё исследование, ибо ему неизбежно пришлось бы прерывать ход мысли и принимать во внимание много второстепенных и чисто случайных фактов, не имеющих существенного значения для характеристики закономерностей развития буржуазного общества.

«Таким образом, — пишет Энгельс, — единственно уместным был логический метод. Но в сущности это тот же исторический способ, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как зеркальное отражение исторического процесса, принимающее отвлеченную и теоретически последовательную форму; отражение исправленное,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XII, ч. I, стр. 191.

но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать на высшей точке его развития, в его полной зрелости и совершенстве» [1].

Восхождение от абстрактного к конкретному есть лишь один из приёмов логического исследования, применяемых Марксом в «Капитале». Этим приёмом далеко не исчерпывается марксов метод в целом. Маркс пользуется всем богатством форм умозаключений, которые не могут быть втиснуты в рамки «восхождения от абстрактного к конкретному». Индукция и дедукция, анализ и синтез и т. д. суть частности диалектического метода Маркса.

Наука не может ограничиться одной индукцией, ибо накопление знаний отдельных фактов порождает необходимость их систематизации.

«Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ» [2]. Индукция и дедукция дополняют друг друга, обе они необходимы как определённые приёмы исследования.

Между методом и приёмом существует некоторое различие. Метод отличается от приёма так, как целое отличается от части. Метод представляет собой совокупность приёмов, а приём — момент метода. Анализ и синтез, индукция и дедукция суть не методы, а различные приёмы исследования, составляющие моменты одного и того же метода познания. Применение того или иного приёма исследования не должно зависеть от произвола исследователя. Отдельные приёмы исследования должны применяться сообразно природе самих предметов, являющихся объектами познания. Научный метод должен быть аналогом действительности.

Человеческое мышление разлагает объект познания, обособляет его различные стороны, или моменты, и извлекает из них форму всеобщности.

Анализ пользуется большим почётом в естественных науках, а в химии он, по выражению Энгельса, стал даже преобладающей формой исследования. Например, химик разлагает воду на составные элементы — водород и кис-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XI, ч. II, стр. 360.

[2] *Ф. Энгельс* Диалектика природы. Госполитиздат, 1948, стр. 182.

лород. Однако эти химические элементы, взятые изолированно, не составляют уже воду. Если человек желает знать предметы так, как они существуют в действительности, то он должен брать их в целом, в синтезе. Направление движения синтеза противоположно направлению движения анализа. Если аналитический приём исследования исходит из единичного и от него движется к всеобщему, то исходным пунктом синтеза является всеобщее и от него движется через обособление к единичному.

Разложение природы на составные части (описание видов животных и растений, составление коллекции минералов, каталогизация звёзд, открытие химических элементов и т. д.) явилось условием огромных успехов науки. Однако аналитический приём исследования природы наряду с положительной стороной имел также и отрицательную. Результатом применения анализа явился особый метод познания, при котором предметы и явления природы изучались вне их общей связи. Так возникла специфическая ограниченность, столь характерная для метафизического образа мышления.

Мышление способно не только разлагать объекты познания на их составные элементы, но также и соединять сходные друг с другом элементы в единство. Не может быть синтеза без анализа.

Сколько бы человек ни наблюдал явления окружающего мира, всё же он никогда не может наблюдать все явления, все случаи. Поэтому он часто прибегает к умозаключению по аналогии.

Умозаключение по аналогии основано на предположении, что если одни предметы известного рода имеют определённые свойства, то другие предметы того же рода также имеют эти свойства. Если мы, зная, скажем, законы движения планет, открываем новую планету, то по аналогии умозаключаем, что эта новая планета, вероятно, имеет те же законы движения, которые свойственны другим, уже известным планетам. Аналогией пользуются в более или менее широком масштабе не только в естественных, но и в общественных науках. В частности ею пользуются юристы для восполнения неизбежных пробелов закона.

Закон, как бы пространно он ни был составлен, не может своим текстом предусмотреть все возможные

отдельные случаи, встречающиеся в общественной жизни. Поэтому закон, имеющий в виду какие-нибудь определённые отношения, юристы распространяют на другие отношения, сходные с теми, которые предусмотрены данным законом. Аналогия при соблюдении известных правил может действительно стать одним из приёмов исследования некоторых явлений. Но заключение по аналогии бывает правильным только тогда, когда учитывается качественное своеобразие каждого из сравниваемых явлений. Если же специфика каждого из изучаемых явлений не принимается во внимание, то аналогия может стать поверхностной и даже бессмысленной. Земля есть небесное тело и населена обитателями; Луна также есть небесное тело и, вероятно, тоже населена обитателями. Но такое умозаключение по аналогии неверно. Земля имеет обитателей не только потому, что она есть небесное тело, но и благодаря ещё целому ряду условий, каковы климат, вода, атмосфера и др. А этого на Луне, насколько мы знаем, нет.

Всякая аналогия условна, относительна.

Товарищ Сталин говорил: «...было бы глупо утверждать, что нельзя брать вообще аналогий из революций других стран при характеристике тех или иных течений, тех или иных ошибок в революции данной страны. Разве революция одной страны не учится у революций других стран, если даже эти революции являются неоднотипными?» И дальше, несколько ниже, он продолжает: «Ленин широко пользовался аналогией из французской революции 1848 года при характеристике ошибок тех или иных деятелей перед Октябрём, хотя Ленин хорошо знал, что французская революция 1848 года и наша Октябрьская революция не являются революциями однотипными» [1].

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 10, стр. 30.

II. ИСТИНА

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

Что такое истина? Этот вопрос задавали философы всех времён и всех народов. Ответы на него давались самые разнообразные, сообразно тому, как ставилась и решалась проблема познаваемости мира.

Марксистский философский материализм учит, что истина есть верное отражение внешнего мира в сознании человека, причём мерилом того, насколько верно сознание человека отражает мир, является практика.

Ленин спрашивает: «Существует ли объективная истина?» И отвечает на этот вопрос вполне утвердительно. Под объективной истиной Ленин понимает такое содержание в наших ощущениях, представлениях и понятиях, которое не зависит ни от отдельного человека, ни от человечества. Он приводит следующий пример естественно-научной истины для иллюстрации своего положения: утверждение естествознания, что Земля существовала до человека, есть объективная истина.

Учение современной химии, опирающейся на гениальные открытия Д. И. Менделеева, говорящей о периодической системе химических элементов, так же является объективной истиной, ибо всё дальнейшее развитие познания строения вещества лишь подтверждает и углубляет закон, открытый Менделеевым. Примеры объективной истины нетрудно привести и из области общественной науки.

Учение марксизма-ленинизма является объективной истиной, ибо всё последующее общественное развитие

является доказательством объективной верности этого учения. Учение Маркса всесильно, потому что оно верно, писал В. И. Ленин.

Приведём ещё два примера для пояснения мысли Ленина. Утверждение Галилея, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, есть объективная истина. В наше время ни один крупный учёный не сомневается в правильности учения Галилея. Оно настолько очевидно, что вошло теперь в школьные учебники всего мира. Утверждение товарища Сталина о том, что в СССР в основном уже осуществлена первая фаза коммунизма, есть объективная истина, потому что в нашей стране социализм уже не мечта, а реальная действительность.

Признание объективной истины есть основная посылка философского материализма. Материалисты так или иначе признают объективную истину. Ленин говорил, что признавать объективную истину и считать наши ощущения образами внешнего мира и стоять на точке зрения философского материализма — это одно и то же. Учение об объективной истине неразрывно связано с материалистическим решением основного вопроса философии.

Учение об объективной истине имеет огромное значение не только для науки, но и для практической деятельности. Оно исключает неуверенность в реальности внешнего мира и укрепляет уверенность в наших действиях. Уверенность в результате своего труда основана на познании окружающего мира. Если мы знаем, что за осенью следует зима, то нужно готовиться к ней: нужно заготовить топливо, продовольствие, одежду и т. д.

Отрицание объективной истины неизбежно приводит к агностицизму и субъективизму. Это положение особенно наглядно можно доказать на примере махистской философии. Махизм оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, он отрицает достоверность человеческих знаний, не признаёт существования объективной истины. Ленин обвинял Богданова, Базарова, Юшкевича и их учителей Авенариуса и Маха в фидеизме. Он подчёркивал, что отрицание махистами объективной истины есть агностицизм и субъективизм. Для них не может быть и речи об объективной истине. Отрицание объективной истины вытекает из основной посылки махистской теории познания. Ибо если единственной реальностью

являются ощущения, то значит в наших ощущениях, представлениях и понятиях не может быть такого содержания, которое не зависело бы от человека и человечества. Ленин показал, что отрицание махистами объективной истины есть не отступление от субъективного идеализма, а неизбежный результат его.

Богданов заявил, что истина есть идеологическая, или организующая, форма человеческого опыта. Но если истина есть только организующая форма человеческого опыта, то, следовательно, не может быть объективной истины, не зависящей от познающего субъекта. Это махистское учение об истине находится в явном противоречии с естествознанием, которое не сомневается в том, что Земля, например, существовала до появления человечества и существует вне всякого человеческого опыта. Учение Богданова об истине является реакционным, ибо его утверждение, что истина есть только организующая форма человеческого опыта, приводит не только к отрицанию объективной истины, но и к оправданию поповщины, к фидеизму. Ведь организующей формой человеческого опыта, замечает Ленин, является и учение, скажем, католицизма.

Чтобы выпутаться из сетей солипсизма, Богданов придумал «теорию» общезначимости. Суть этой «теории» состоит в следующем: основу объективности следует искать не в опыте отдельного человека, а в опыте коллектива. Объективным Богданов называет только то, что имеет одинаковое жизненное значение не только для одного человека, но и для других людей. Объективность для него — это общезначимость, а физический мир — это «социально-организованный опыт». Но если физический мир представляет собой, как уверяет Богданов, «социально-организованный опыт», то, значит, до появления человека не было и не могло быть никакого физического мира. А это есть вопиющая идеалистическая нелепость. Естествознание положительно утверждает, что внешний мир существует независимо от человечества и человеческого опыта, что природа существовала и тогда, когда в мире ещё не было и не могло быть никакой «организации» человеческого опыта.

Изобличая махистскую философию, Ленин указывал, что в богдановское определение объективной истины

вполне укладываются религиозные учения, ибо учение религии «общезначимо» в большей мере, чем даже учение современной науки: бо̀льшая часть народных масс в условиях эксплоататорского строя и поныне держится того или иного религиозного учения. Так что богдановская «теория» общезначимости вполне согласуется с фидеизмом. Чтобы отвести от себя обвинение в фидеизме, Богданов вносит в свою «теорию» общезначимости поправочку: «социальный» опыт далеко не весь является «социально-организованным». Например, лешие и домовые входят в сферу «социального» опыта той или иной группы народа (например, крестьянства), но из-за этого ещё не приходится включать их в «социально-организованный» опыт, так как они, мол, не «гармонируют» с опытом другого коллектива и не укладываются в цепь причинности. Ленин говорит, что «эта благонамеренная, в духе отрицания фидеизма, поправочка нисколько не исправляет коренной ошибки всей богдановской позиции» [1]. Дело в том, что современный фидеизм вовсе не отрицает науки; он выступает лишь против «чрезмерных претензий» науки, именно против претензий на объективную истину. А Богданов как раз выступал против материалистического учения об истине. Отвергая объективную истину, Богданов тем самым очищает место для фидеизма.

Ссылка Богданова на то, что социальный опыт насчёт леших и домовых не укладывается в цепь причинности, лишена какого бы то ни было основания. Всякая религия вполне «укладывается» в цепь причинности, ибо нет ни одной религии, которая возникла бы без причин. Всякая религия возникла в силу особых причин. Католицизм, например, не случайно держится в массе народа, живущего в условиях эксплоататорского строя. Он самым неоспоримым образом «укладывается» в цепь причинности. Более того, он «социально-организован» многовековым развитием. Таким образом, католицизм является и «социально-организованным», и «общезначимым», и сверх того он «укладывается» в цепь причинности. Но он не «гармонирует» с данными науки. Между католицизмом и наукой существует принципиальная, коренная разница,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 112.

которая стёрта Богдановым. И как бы ни ухищрялся, сколько бы ни «поправлялся» Богданов, утверждая, что религия не гармонирует с опытом науки, всё же остаётся бесспорным тот факт, что богдановская «теория» общезначимости всецело гармонирует с религией.

Необходимо отметить, что отрицание объективной истины не принадлежит лично Богданову, а вытекает из основ философии Авенариуса и Маха.

В самом деле, если в мире существуют только ощущения, как это утверждает Авенариус, и если тела суть комплексы ощущений, как это утверждает Мах, то совершенно ясно, что перед нами философия субъективного идеализма, которая неизбежно приводит к отрицанию существования какой бы то ни было объективной истины.

Ленин указывает, что махисты признают источником наших знаний ощущения. Поэтому их точку зрения обычно называют эмпиризмом (все знания из опыта) или сенсуализмом (все знания из ощущений). Не только махисты, т. е. субъективные идеалисты, но и материалисты могут признать и признают ощущения источником всех наших знаний. Основное различие, как разъясняет Ленин, между материализмом и идеализмом в этом вопросе состоит в том, что для материализма источником самих ощущений является внешний мир (материя), а ощущения суть лишь образы внешнего мира, в то время как для махизма тела или вещи суть комплексы ощущений.

Хотя сами махисты любят декламировать на тему о том, что они вполне доверяют показаниям наших органов чувств, но на самом деле они являются агностиками и субъективистами. Они не признают в ощущениях верного отражения внешнего мира, приходят в прямое противоречие с данными естествознания. Они клеветали на материалистов, обвиняя их в том, будто материалисты считают мир мёртвым, лишённым звуков и красок, в то время как для них, махистов, мир полон красок, звуков и т. д. Ленин разоблачил эту клевету махистов на материалистов. Он указал, что именно материалисты считают мир более богатым и более разнообразным, чем он кажется человеку, так как развитие науки с каждым новым шагом вперёд открывает в нём всё новые и новые стороны. Ленин

неоднократно повторяет и развивает материалистическую мысль о том, что наши ощущения суть образы, копии, снимки, или отображения вне нас существующей объективной реальности. В противоположность махизму материализм в вопросе о познании стоит на точке зрения теории отражения.

Абсолютная и относительная истина

Развитие человеческого познания идёт *от относительной к абсолютной истине.*

Учение диалектического материализма об абсолютной и относительной истине есть *новый* принцип материалистической философии. Ни один из представителей старого (домарксовского) материализма не смог подняться до понимания исторического развития человеческого познания. Никто из них не умел применить диалектику к процессу и развитию человеческого познания. Учение об абсолютной и относительной истине явилось результатом применения Марксом и Энгельсом материалистической диалектики к развитию человеческого познания. Особенно велика роль Ленина в конкретизации и дальнейшем развитии этого принципа.

Характеризуя отражение внешнего мира в познании человека как особый исторический процесс, Ленин дал непревзойдённый анализ соотношения относительной и абсолютной истины. Он показал, что исторически развивающееся познание человека раскрывает объективную истину. Но, признавая объективную истину, мы тем самым, говорит Ленин, так или иначе признаём и абсолютную истину.

Что такое абсолютная истина? *Абсолютная истина* есть такая истина, которая не может быть опровергнута в будущем.

Абсолютная истина складывается из суммы относительных истин. *Относительная истина* есть момент или ступень познания абсолютной истины. Абсолютная истина так относится к относительной истине, как целое относится к части. Однако целое не есть арифметическая сумма частей, а нечто большее, ибо целое есть новое качество. Человеческое познание движется и развивается от относительной к абсолютной истине.

Проследим соотношение относительной и абсолютной истины на примере того, как развивались знания о природе *излучения*.

Известно, что Ньютон в своей работе «Оптика» (1704) выдвинул так называемую корпускулярную теорию света. Суть этой, по существу механической, теории состоит в следующем. Светящиеся тела испускают маленькие частицы — корпускулы, которые движутся с чрезвычайно большой скоростью. Они совершенно обособлены друг от друга, поэтому и свет состоит из абсолютно оторванных друг от друга частей. Для нас в данной связи важнее всего отметить, что Ньютон самое явление света рассматривает как *прерывный процесс*. Ещё во времена Ньютона голландский учёный Гюйгенс выдвинул волновую теорию света. Она исходит из предположения, что существует особая упругая среда — эфир, — заполняющая всё межпланетное и межзвёздное пространство. В этой среде светящиеся тела вызывают упругие колебания, которые распространяются волнообразно, т. е. *непрерывно,* подобно звуковым колебаниям в воздухе.

Великий русский учёный М. В. Ломоносов выдвигал теорию света, которая в своеобразной форме учитывала единство волновых и корпускулярных свойств материи. Однако уровень науки XVIII века не позволил и Ломоносову разработать исчерпывающую теорию световых явлений.

Спустя некоторое время Фарадей, Максвелл, Герц выдвинули новую теорию света, которая доказала, что колебательные явления в эфире при распространении света имеют не механическую, а электромагнитную природу. Но эта теория, хотя и является дальнейшим шагом вперёд, по сути дела так и не решила вопроса — происходят ли в светоносном эфире процессы прерывно или непрерывно.

В 1900 г. М. Планк высказал мысль, что световая энергия испускается и поглощается не непрерывной струёй, а дискретно, т. е. отдельными порциями или каплями определённой величины, которые он назвал квантами. Эти кванты, как впоследствии (1905) показал Альберт Эйнштейн, представляют собой нечто вроде атомов лучистой энергии. Современная квантовая

теория света означает как бы возврат к старой, т. е. корпускулярной теории, но уже на высшей основе, так как корпускулы в науке XVII—XVIII веков считались чисто механическими частицами, кванты же — электромагнитного происхождения.

Однако квантовая теория оказалась не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение целого ряда физических явлений, к которым относятся преломление, дисперсия, интерференция, дифракция, поляризация и т. д., в то время как все перечисленные явления находят простое объяснение в волновой теории света. Но зато теория квантов легко объясняет все явления, связанные с испусканием и поглощением лучистой энергии, которые происходят в атомах и молекулах, чего не в состоянии была сделать классическая волновая теория.

Таким образом, каждая из этих двух физических теорий имеет свою область явлений, сравнительно легко объясняемых ею.

Квантовая теория света установила, что свет надо рассматривать с атомистической точки зрения, т. е. с точки зрения прерывности. Волновая теория, которая не была вытеснена квантовой теорией и продолжает существовать наряду с ней, трактует свет как непрерывный волнообразный процесс. Только в самое последнее время физикам удалось соединить квантовую и волновую теории света в одну единую теорию.

Свет с точки зрения современной физики одновременно и прерывен и непрерывен, он представляет собой процесс частиц (квантов) и волн. А ведь единство прерывности и непрерывности процессов, происходящих в материальном мире, есть одна из форм проявления закона единства и борьбы противоположностей. Новейшие открытия в области физики (современные воззрения на природу излучения) не только не опровергли, а, наоборот, лишний раз подтвердили правильность ленинского учения об единстве противоположностей как законе познания и законе объективного мира. Подтверждаются слова Ленина, что «современная физика рожает диалектический материализм».

История развития человеческих знаний о природе излучения представляет собой очень сложный, противо-

речивый процесс последовательного приближения к абсолютной истине. Каждая последующая теория света является более точным отражением действительности, чем предыдущие, и вместе с тем ни одна из них не кладёт предела познанию человека, но предполагает бесконечный ряд дальнейших уточнений. Очевидно, современная теория света не есть ещё последняя истина, дальше которой не может итти наука, но она есть ступень на пути к более глубокой истине. Бесспорно, что современная волновая и квантовая теории света отражают действительность глубже, точнее, полнее, чем теории Гюйгенса, Ньютона, Ломоносова. Но в этих последних содержится зерно абсолютной истины, так как вышеуказанные теории приблизительно верно — хотя и грубо механистически — отражали процессы, происходящие в природе. Теория Гюйгенса отражала момент непрерывности световых процессов, а теория Ньютона — момент их прерывности. Но эти отдельные моменты (стороны световых явлений) они отражали неточно, разрозненно друг от друга, в то время как они в действительности неразрывны, едины. Слабость этих теорий состояла в одностороннем признании либо прерывного, либо непрерывного момента световых явлений.

История развития физических теорий света от Гюйгенса, Ньютона и Ломоносова до наших дней включительно лишний раз показывает, насколько глубоко и верно положение диалектического материализма о движении *всего* человеческого познания от относительной истины к абсолютной истине, от менее полного и точного знания ко всё более точному и полному.

История науки показывает, что одна теория сменяется другой. Каждое открытие есть ступень прогрессивного развития науки. Если диалектический и исторический материализм есть высшая ступень в развитии философской мысли, то отсюда ещё не следует, что все предшествующие философские учения есть сплошная ложь. Отнюдь нет. Без предшествующей философии была бы невозможна и марксистско-ленинская философия.

Диалектический материализм указал единственно правильный путь, идя по которому мы всё больше и больше будем приближаться к познанию природы, никогда не исчерпывая её полностью до конца. Однако ошибочно

было бы делать из этого положения вывод, что мы никогда не обладаем абсолютной истиной. Абсолютная и относительная истины не отделены друг от друга китайской стеной. Относительная истина содержит в себе зерно абсолютной истины, которая складывается из истин относительных.

Истина и заблуждение далеко не всегда выступают как противоположные полюсы, абсолютно изолированные друг от друга. Истина не похожа на отчеканенную монету, которая может быть дана в готовом виде. В истинном знании может быть момент заблуждения.

Человек в своём познании не может сразу отразить всю действительность, но в процессе своей практической деятельности он приближается к более полному и точному познанию объективной закономерной связи. Развитию человеческого познания нет границ, ибо возможности человеческого мышления неограничены. Но человеческое мышление может существовать и существует только как мышление людей многих поколений — прошлых, настоящих и будущих. Познание отдельного индивида, говорит Энгельс, ограничено как объективно, так и субъективно: объективно оно ограничено рамками данной исторической эпохи, субъективно — физической и духовной организацией познающего [1].

Как бы велик и гениален ни был мыслитель, его познания не в состоянии выйти далеко за пределы данной исторической эпохи. В некоторых отраслях науки он может опередить умственное развитие своей эпохи на целые десятилетия и даже столетия, но в целом он дитя своего времени. Известно, что, например, Аристотель был энциклопедически образованным человеком. Он, по характеристике Энгельса, — всеобъемлющий мыслитель античного мира. И всё же его гений был ограничен рамками современных ему знаний. Аристотель не знал, например, о существовании химических элементов, — они были открыты лишь спустя 2 тысячи лет.

Наука ещё молода. Сто лет тому назад ещё не было, например, биологии как науки; она до XIX века, по выражению Энгельса, была ещё в пелёнках. Биохимия как наука появилась только в конце прошлого века. Учение

---

[1] См. *Ф. Энгельс*, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 36.

о радиоактивности насчитывает всего сорок лет. Теория относительности и теория квантов насчитывают и того меньше. Геохимия — наука, созданная всецело русскими и советскими учёными, — детище XX века. Мичуринское направление в биологии, давшее величайшие открытия в области естествознания XX века, начало своё широкое и плодотворное развитие фактически только в условиях победившего социализма в СССР.

То же можно сказать об изучении высшей нервной деятельности, основные открытия в области которой связаны с именем И. П. Павлова и его школы в СССР. Если взять область общественных явлений, то по существу научное познание закономерностей общественного развития стало возможным только со времени Маркса и Энгельса. Уже один этот беглый обзор истории человеческого познания показывает, что основные достижения науки падают главным образом на последние сто лет. Мы являемся живыми свидетелями того, как быстро теперь прогрессирует наука. Уровень науки данной исторической эпохи неизбежно накладывает свой отпечаток на кругозор отдельного человека.

Энгельс, высмеивая догматизм Дюринга, вскрывал всю вздорность дюринговского утверждения о вечных, окончательных, последних истинах. Конечно, говорит Энгельс, вечные истины существуют, но неумно употреблять пышные слова для обозначения весьма простых вещей. Поэтому тот, кто захочет установить вечные, окончательные истины в последней инстанции, тот добудет, замечает Энгельс, мизерные, банальные и общеизвестные истины, вроде того, например, что все люди смертны, что люди без труда не могут жить и т. д. Если бы человек дошёл до того, что стал оперировать только вечными истинами, то это означало бы, что познание природы исчерпано и реально и потенциально.

Человек в своём историческом развитии будет бесконечно приближаться к познанию всей природы до конца. Однако он никогда не достигнет того пункта, когда мог бы сказать: теперь я познал все законы и явления материального мира. Этого никогда не будет. Подобно тому как круги спирали бесконечно приближаются к центру, так и человеческое познание бесконечно будет приближаться к познанию всей природы, никогда, однако,

не исчерпав её до конца. Таким образом, получается противоречие: с одной стороны, человеческое мышление по своей природе способно познать всё в природе, и, с другой стороны, оно не в состоянии реально исчерпать её. Это противоречие, говорит Энгельс, может быть разрешено только в бесконечном ряде последовательных поколений человечества.

Почему человек реально не может исчерпать познание всей природы до конца? Потому, что природа бесконечна, она непрерывно движется, изменяется, обновляется. Развивается и сама способность человеческого познания. Органы чувств человека, его умственные способности исторически развиваются. Развивается и с каждым днём обогащается человеческая практика, человеческий опыт никогда не может быть закончен.

Для каждой общественно-экономической формации, для каждого класса характерен особый тип сознания. И так как ощущения человека являются сознательным отражением мира, то это обстоятельство имеет огромное значение для понимания особенностей мировоззрения людей различных классов и различных исторических эпох. Это различие объясняется не расовыми особенностями, а теми коренными различиями, которые существуют в уровне материального производства, в уровне общественной практики человечества различных эпох.

Возьмём для примера способность человека различать цветовые оттенки. Одни исследователи утверждают, что древние греки знали меньше цветов, чем современный цивилизованный человек. Из сохранившихся художественных и письменных памятников мы знаем, что античные греки называли море и небо серыми, в то время как мы воспринимаем их голубыми. В описании радуги у древних народов некоторые цвета совершенно выпущены. Например, замечено, что Гомер употреблял совершенно одинаковые выражения для обозначения различных цветов и, наоборот, различными терминами, обозначающими различные цвета, он называл один и тот же предмет, имеющий один цвет. Гомер нигде не называл небо синим, лес никогда не называл зелёным, а говорил, что лес тенист, роскошен, обилен цветами, травой и т. д. Воду, землю, облако, корабль, железо и т. д. он обозначал одинаково, прилагая к ним наименование чёрного цвета.

У него нет особого названия для обозначения голубого цвета, и вообще у него мы находим весьма ограниченное количество цветовых обозначений. Из этих фактов впоследствии некоторыми учёными были сделаны выводы о том, что человечество первоначально не различало цвета̀. Было предположено, что способность различения цветов развивалась исторически в таком порядке: сначала выделился красный цвет, потом зелёный, затем фиолетовый.

Другие исследователи ссылаются на библию и древнюю индийскую книгу «Веды», в которых мы находим удивительную бедность цветообозначений. В «Ведах» весьма поэтично описывается красота неба, но в ней нет упоминания о голубом цвете.

Наконец, некоторые учёные для подтверждения своего предположения о развитии способности цветоощущений приводят следующий факт: дети мало восприимчивы к цветам с короткими волнами, т. е. к зелёному, синему и фиолетовому. Ребёнок научается правильно различать цвета в следующем порядке: сперва он научается правильно определять жёлтый, затем красный и только позднее — зелёный и голубой. Дети долго называют голубой цвет серым или «никаким», и только впоследствии они начинают его различать.

Хотя все эти аргументы не лишены некоторой стройности и логичности, тем не менее первые два из них многими оспариваются. В порядке возражения можно привести целый ряд доводов.

Во-первых, следует считать бесспорным тот факт, что способность восприятия как хроматических, так и ахроматических цветов появилась ещё на зоологической ступени развития: некоторые животные (например, птицы, обезьяны) различают цвета.

Во-вторых, дикари различают все цвета радуги, все главнейшие цвета спектра, только обозначают их не совсем точно. Хотя дикари ощущают все цвета, но узнают и обозначают их не одинаково: яркие и сильные цвета (красный, жёлтый и др.) узнают быстро и легко, чётко обозначая их, а менее яркие цвета (фиолетовый, оранжевый и др.) различают с трудом и обозначают их нечётко, иногда даже смешивая их друг с другом. Поразительно, что многочисленные народности, живущие в различных

частях мира, смешивают зелёный и синий цвета, нередко обозначая их одним и тем же названием. А некоторым диким племенам кажется даже смешным, когда они узнают, что для зелёного и синего цветов у культурных народов существуют отдельные названия. Известно, например, что многие племена папуасов обозначали одним и тем же словом чёрный и голубой цвета или голубой и серый. Но, повидимому, несомненно одно: как древние, так и современные самые отсталые племена, подобно детям, менее чувствительны к зелёному и голубому цветам, т. е. к цветам с короткими волнами. Некоторые негритянские племена в Африке все цвета с короткими волнами называют чёрными, а с длинными — красными.

В-третьих, вполне возможно, что в древних памятниках отсутствовали некоторые цветообозначения (главным образом голубой и фиолетовый цвета). Но это не потому, что древние народы не различали цветов, а просто в силу бедности их языка. Исследование художественных памятников (живопись, остатки цветных декораций, украшения храмов и др.) показало, что люди ещё задолго до эпохи Гомера различали цвета радуги, в том числе синий и фиолетовый цвета.

В-четвёртых, первобытный человек не имел отвлечённых названий для обозначения цветов: каждый цвет им обозначался по тому предмету, для которого он (цвет) был характерен.

Эрнст Геккель, говоря о происхождении и развитии органов чувств, высказал предположение, что два-три тысячелетия тому назад человек мог различать только низшие цвета спектра: красный, оранжевый и жёлтый, тогда как верхние цветовые тона — зелёный, голубой, фиолетовый — ему не были знакомы. Далее, сравнивая цветоощущения дикарей, детей и современных культурных народов, он пришёл к выводу, что высокое развитие цветоощущений у современного цивилизованного человека есть продукт позднейшего культурного развития. Колбочки сетчатки нашего глаза, которые обусловливают высшее цветовое ощущение, вероятно, развились постепенно в течение последнего тысячелетия истории развития культуры человечества. Способность человеческого глаза различать оттенки цветов совершенствуется не только по мере общей биологической эволюции человека, но и главным

образом по мере развития соответствующих отраслей промышленности (производство красок и т. д.).

Мы уже сказали, что, по мнению некоторых учёных, древние греки, в отличие от современного культурного человека, не обладали особой остротой цветоощущений. Вытекают ли эти различия из того, что орган зрения современного человека биологически сильно изменился и стал более развитым, чем у древних греков, живших два-три тысячелетия тому назад? Ясно, что нет. Хотя и это имеет значение, но не решающее. Современная наука не в состоянии сказать точно, какие биологические изменения произошли у человека за последние два-три тысячелетия. Повидимому, эти изменения имели место, но они настолько незначительны, что не поддаются даже учёту. Но зато какие огромные изменения произошли в общественной жизни! Изменениями в общественной жизни следует в конечном счёте объяснять развитие и усовершенствование органов чувств. Органы чувств человека, кроме того, что они суть результат биологической эволюции, являются продуктом исторического развития человечества. Поэтому образование пяти органов чувств Маркс рассматривает как продукт всемирной истории человечества. И не надо быть пророком, чтобы предсказать, что в будущем коммунистическом обществе, когда действительно наступит всестороннее физическое и умственное развитие индивидуумов, музыкальное чувство и цветоощущение человека, несомненно, поднимутся на ещё более высокую ступень совершенства. В своих «Подготовительных работах для «Святого семейства»» Карл Маркс указывает, что частная собственность сделала людей тупыми и односторонними, поэтому уничтожение частной собственности, по Марксу, есть вместе с тем полное освобождение человеческой личности, есть вместе с тем полное освобождение всех чувств и свойств.

Совершенно очевидно, что если сама способность познания развивается и совершенствуется, то нет оснований объявлять наши знания «окончательными истинами в последней инстанции». Только метафизика типа дюринговского догматизма может оперировать такого рода «истинами».

Все наши знания относительны в смысле исторической условности приближения этих знаний к абсолютной

истине. Но во всякой научной истине, несмотря на её относительность, содержатся элементы абсолютной истины, потому что и относительные истины, из суммы которых в их развитии складывается абсолютная истина, являются относительно верными отражениями существующей независимо от человечества абсолютной природы. Таким образом, диалектический материализм не противопоставляет абсолютную и относительную истины, а рассматривает их в неразрывной связи, в единстве.

Классическую характеристику взаимоотношения абсолютной и относительной истин дал Ленин в своём произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин писал: «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то́, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то́, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то́, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то́, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа» [1].

Если утверждение, что истины неизменчивы, является догматическим и потому ошибочным, то столь же ошибочно и утверждение, что все наши знания только относительны, следовательно, они субъективны, в них нет объективного содержания. Такой вывод из относительности человеческих знаний делает так называемый *релятивизм,* который приводит к агностицизму и представителями которого в частности и являются махисты.

Релятивизм махистского типа представляет собой тоже разновидность метафизики. Вопрос о релятивизме впервые был правильно поставлен и решён в философии

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 123.

Марксом и Энгельсом. Ещё Гегель разъяснял, что диалектика включает в себя релятивизм как момент, но она не сводится к нему. Материалистическая диалектика признаёт относительность всех человеческих знаний в смысле исторической условности пределов приближения их к объективной истине, но она не отрицает существования объективной истины. Ленин показывает, как принцип относительности наших знаний при незнании диалектики неизбежно ведёт к идеализму.

Махисты доказывают относительность наших знаний. Этому принципу они придают весьма большое значение. Непомерно преувеличивая относительность наших знаний, они скатываются к отрицанию объективной реальности, которая отображается в них. Характерно, что махисты борются против старого, метафизического материализма, опровергая его, а делают вид, что они опровергают диалектический материализм. Материалисты-метафизики действительно не понимали относительности научных теорий, они не знали диалектики, они стояли на механистической точке зрения. Именно поэтому Энгельс критиковал прежних материалистов, отмежёвываясь от их метафизических взглядов. Энгельс решительно и бесповоротно отказался от метафизического материализма, признав только диалектический материализм, который является единственно верной научной философией. Для махистов «...признание относительности наших знаний *исключает* самомалейшее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина» [1]. Махисты не сумели подняться от материализма метафизического к материализму диалектическому. Они скатились к релятивизму, а через него — к субъективизму и идеализму.

Ленин писал, что релятивизм как основа теории познания ведёт не только к признанию относительности наших знаний, но и к отрицанию какой бы то ни было объективной истины. С точки зрения абсолютного релятивизма, говорит Ленин, можно оправдать любую софистику.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 14, изд. 4, стр. 121.

Конкретность истины

Диалектический материализм учит, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Всё, говорит товарищ Сталин, зависит от условий, места и времени. Это учение является новым принципом материалистической философии, ибо никто из представителей старого (домарксовского) материализма не сумел подняться до понимания конкретности истины.

Необходимость учёта всей совокупности условий, места и времени при решении тех или иных вопросов является одной из самых характерных черт диалектической логики.

В своей работе «Ещё раз о профсоюзах» Ленин перечисляет следующие основные требования диалектической логики:

1) всесторонность изучения предмета; 2) изучение предмета в его развитии, движении и изменении; 3) включение в полное определение предмета всей человеческой практики — как критерия истины и как определителя связи предмета с тем, что нужно человеку; 4) конкретность подхода к изучению предмета.

Диалектическая логика требует всестороннего изучения предмета. Каждый предмет бесчисленным множеством нитей связан со всеми остальными предметами мира. Чтобы знать предмет, необходимо изучить все его связи, все стороны, не вырывая отдельных сторон предмета из всеобщей связи.

Всякий предмет или явление имеет наряду с главным своим свойством бесконечное множество второстепенных и третьестепенных свойств. Умение отделять основное от неосновного составляет характерную особенность марксистского подхода к вопросам.

Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это одно из основных положений материалистической диалектики, которое красной нитью проходит через все работы классиков марксизма-ленинизма. Товарищ Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» приводит два ярких примера, наглядно иллюстрирующих эту мысль. С точки зрения условий современной эпохи рабовладельческий строй есть бессмыслица,

но в условиях разложения первобытно-общинного строя рабовладельческий строй был вполне закономерным явлением, ибо он — более высокая ступень исторического развития, чем первобытно-общинный строй. Товарищ Сталин приводит ещё и другой пример — о буржуазно-демократической республике. В условиях царизма, скажем в 1905 г., в России требование буржуазно-демократической республики являлось революционным, потому что буржуазная республика тогда означала шаг вперёд по сравнению с царизмом. Но в условиях победившей диктатуры пролетариата в СССР требование буржуазно-демократической республики является контрреволюционным требованием, так как буржуазная республика в сравнении с советской республикой означает безусловно шаг назад. Товарищ Сталин учит, что при постановке и решении тех или иных вопросов политики необходимо учитывать живую жизнь, точные факты исторической действительности.

Марксистско-ленинское учение о конкретности истины имеет огромное значение как для естественных, так и для общественных наук.

Стратегия и тактика партии пролетариата на различных этапах менялись соответственно изменившейся исторической обстановке. При выработке тактических лозунгов наша партия исходит из учёта всей совокупности условий данной исторической обстановки. Если обстановка изменилась, изменилось соотношение классовых сил, изменились методы и формы борьбы врагов, то, стало быть, партия должна соответствующим образом изменить и свою политику. Поэтому мы говорим: марксизм-ленинизм есть не догма, а руководство для революционного действия. Те оппортунисты, которые цепляются за старые формулы марксизма, ставшие уже устаревшими, являются метафизиками.

В русской народной сказке под названием «Набитый дурак» показан тип метафизика в образе дурака, не способного ориентироваться в изменившихся условиях и обстановке.

Эта сказка имеет глубокий смысл. Она метко схватывает наиболее типичные черты метафизического подхода к изучению окружающего мира. Народная мудрость давно выразила то, что впоследствии было обобщено

в принцип философии. Если бы догматики, цепляющиеся за старые формулы и теории, ставшие уже устарелыми, хорошенько призадумались над этой народной сказкой, то они увидели бы в лице её героя свой образ.

РОЛЬ ПРАКТИКИ В ПОЗНАНИИ ИСТИНЫ

Указание Ленина, что путь познания человеком истины идёт от созерцания к мышлению и от последнего к практике, не следует понимать в том смысле, что на первой ступени человеческого познания мы имеем лишь чувственное познание, на второй — абстрактное мышление, и только на третьей ступени появляется практика. Так понимать Ленина было бы совершенно неверно. Практика, по Ленину, является основой всего процесса человеческого познания от начала и до конца. Правильность наших знаний об объективном мире проверяется практикой. Поэтому точка зрения практики, жизни должна быть отправным пунктом теории познания диалектического материализма.

Доказательством того, что человеческое познание верно отражает объективную реальность, является исторически развивающаяся общественная практика. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что́ показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина» [1].

Практическая деятельность людей очень многогранна. В самом деле, ведь в наше время люди занимаются не только материально-производственной деятельностью, т. е. не только тем, что строят фабрики и заводы, обрабатывают землю и т. д., но и тем, что принимают участие в классовой борьбе современной эпохи, живут определённой политической жизнью, создают определённый быт, изобретают, экспериментируют и т. д. Вся совокупность этих сторон общественной практики входит в теорию познания «...и как критерий истины и как практический

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т 14, изд. 4, стр. 177.

определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»[1].

Энгельс писал, что в тот самый момент, когда мы употребляем вещь для себя сообразно воспринимаемым её свойствам, мы подвергаем проверке ложность или истинность наших восприятий. Если восприятия были ложными, то наши суждения, основанные на них, будут ложными.

Когда химик разлагает воду на водород и кислород или потом путём синтеза водорода и кислорода в их соответствующей пропорции получает воду, то именно эта практика доказывает, что наше понятие о химическом составе воды правильно отражает действительность.

Маркс и Энгельс учили, что гибель капитализма и победа социалистической революции неизбежны на известной ступени развития буржуазного общества. Победа Великой Октябрьской социалистической революции является практическим подтверждением правильности учения Маркса и Энгельса, доказательством того, что марксизм верно отражает историческую действительность и правильно указывает трудящимся путь борьбы за освобождение от капиталистического и всех других форм гнёта.

Практическое осуществление первой фазы коммунизма (социализма) в СССР является неопровержимым доказательством правильности ленинско-сталинского учения о возможности победы социализма в одной стране.

В Сталинской Конституции СССР, принятой на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, записано, что каждому советскому гражданину предоставляется и гарантируется право на труд, на отдых, на образование и т. д., и так как осуществление всех этих прав уже проведено на деле, то это обстоятельство (практика победившего социализма) есть доказательство того, что Сталинская Конституция СССР является ярким выражением советской действительности.

Эти отдельные примеры показывают, что правильность нашего познания всегда проверяется и доказывается практической деятельностью людей, что теория должна быть неразрывно связана с практикой. Научное познание возникает и вырастает из исторически развивающейся

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. XXVI, стр. 135.

общественной практики человечества, оно определяется ею; человеческое познание выступает как продукт общественной жизни, как одна из её сторон. Поэтому вне общественной жизни, вне практики человеческое познание невозможно.

Было бы, конечно, упрощенчеством требовать проверки буквально каждой мысли человека на практике. Опыт предшествующих поколений, миллиарды раз повторяясь, постепенно закрепляется в сознании человека в виде представлений и понятий, многие из которых приобретают аксиоматический характер. Если бы каждый человек начинал сызнова проверять на опыте все научные положения, без учёта накопленного предшествующими поколениями опыта, тогда наука была бы невозможна.

Все философы до Маркса, как идеалисты, так и материалисты, рассматривали познание человека оторванно от условий материальной жизни общества. В лучшем случае материалисты рассматривали человека как биологическое существо, свойства которого целиком определяются непосредственно его физической природой. Мышление ими понималось лишь как естественная функция мозга, а ощущение — как естественная функция органов чувств. Они оставляли в стороне самое главное — общественную сущность человека; только марксизм-ленинизм показал, что сущность человека состоит не в биологической природе, а в совокупности тех общественных отношений, в которых протекает его жизнь.

Органы чувств человека и животных дают приблизительно верное отражение внешнего мира, но органы чувств человека отражают его вернее, полнее и глубже, чем органы чувств животных. И это происходит не только потому, что они в биологическом отношении несравненно более развиты у человека, чем у животных.

Главное различие состоит в том, что животные воспринимают окружающий мир лишь в процессе биологического приспособления к нему, а человек воспринимает мир в процессе практического воздействия на него.

Умственные способности современного человека являются не только продуктом биологического развития и не только результатом индивидуального развития в детском возрасте, но прежде всего продуктом общественно-исторического развития.

Человек познавал природу по мере того, как он научался практически изменять её в целях удовлетворения своих потребностей. Но власть человека над природой зависит от уровня материального производства.

Власть человека мало-помалу возрастает по мере присоединения к естественным органам искусственных орудий труда, которые и усиливали естественные органы и создавали возможности человека в покорении природы. Палка удлиняла руку человека: с помощью палки человек мог уже на более далёком расстоянии сбивать орехи с высоких деревьев. А когда он научился пользоваться камнем, то он мог на значительном расстоянии убивать мелких животных и дичь.

Власть человека над природой ещё больше возросла, когда человек научился добывать огонь.

Огонь явился грозным оружием в руках человека в борьбе против хищных животных, расширил круг продуктов, употребляемых в пищу, и стал хорошим средством защиты от холода.

С тех пор как человек возвысился до изготовления и употребления орудий труда, изменились направление и характер общественно-исторического развития. Изменяя и покоряя постепенно природу, человек вместе с тем и сам изменяется, изменяется его собственная природа. Если развитие умственных способностей первобытной человекообразной обезьяны, с которой генетически связан человек, происходило как чисто биологический процесс и зависело лишь от видоизменений её естественных органов, то умственное развитие человека непосредственно или косвенно зависит от уровня общественно-исторической практики всего человеческого общества и, в конечном счёте, от уровня материального производства.

Это не значит, что в сознательном поведении человека биологические моменты не играют роли. Было бы нелепо отрицать это. Точно так же неверно отрицать биологическое совершенствование человека. С изменением человеческого общества биологическая эволюция не прекратилась. Но человек есть прежде всего общественное существо, его характеризуют не биологические, а социальные моменты. Именно поэтому Маркс и Энгельс писали: «мое отношение к моей среде и есть мое сознание». Сознание человека развилось в результате его

труда и общественной деятельности. Основой возникновения и развития сознания является практика.

Человек, так сказать, «очеловечивает» природу. Он создаёт искусственную среду, которая является необходимым условием его существования. Человек нашей эпохи живёт либо в городе, либо в деревне. Город и деревня — результаты практической деятельности человека. Человек живёт в доме. Дом — строение, созданное людьми. Человек питается хлебом. Хлеб — продукт его деятельности. Человек учится в школе. Школа — продукт его деятельности. Человек проводит отдых в театре. Театр — создание человека. Одним словом, где бы ни был человек, чем бы он ни занимался, как бы он ни работал, его жизнь неразрывно связана с искусственной средой, им же самим созданной. Вне этой среды (=человеческого общества) его жизнь невозможна и немыслима. Это обстоятельство сказывается и на характере его сознания. Сознание человека является продуктом общественной жизни, потому что оно порождается и определяется общественным бытием.

Известно, что некоторые органы чувств у животных во многих отношениях развиты лучше, чем у человека. Так, например, глаз орла острее человеческого. Он с большой высоты может заметить иногда очень незначительную по величине добычу, которую человеческий глаз вряд ли способен заметить. Некоторые породы собак обладают отличным обонянием, какого нет у человека. И всё же человек видит неизмеримо дальше и больше вещей и их свойств, чем орёл, и различает значительно больше запахов, чем собака, обладающая более тонким обонянием. Это объясняется тем, что к органам чувств человека присоединяется и деятельность мышления и практическая деятельность человека. Конечно, невооружённый человеческий глаз во многих отношениях беспомощен. Но в сочетании со средствами современной техники (спектральные и поляризационные приборы, телескоп, микроскоп, термоэлементы и т. д.) глаз человека становится способным воспринимать объекты, недоступные восприятию животных. На Моунт-Вильсоне (Америка) имеется мощный рефрактор, который собирает в десятки и даже сотни тысяч раз больше света, чем невооружённый человеческий глаз. В этот телескоп видны такие небесные тела, которые находятся от нашей планеты на расстоянии

приблизительно 600 миллионов световых лет. Следовательно, человеческий глаз уже теперь может воспринимать тела, световые лучи от которых, проходя со скоростью 300 тыс. километров в секунду, доходят к нам только через 600 млн. лет.

При помощи микроскопа человеческий глаз улавливает путь отдельных атомов, т. е. таких частиц, которых ни одно из современных животных не увидит даже в том случае, если бы эти частицы были в сотни и тысячи раз больше. Если ещё недавно учёные спорили по вопросу о том, существует ли атом, то теперь бытие атомов стало уже совершенно очевидным. Благодаря микроскопу и ультрамикроскопу атом становится видимым для человеческого глаза. Без микроскопа невозможна современная медицина, без него не могла бы возникнуть микробиология и ряд других отраслей науки.

Применение микроскопа дало человеку возможность обнаружить существование микробов, многие из которых являются злейшими врагами человека. Без микроскопа было бы невозможно изучение возбудителей многих болезней и успешная борьба с ними. Без него была бы немыслима защита от разнообразнейших инфекционных болезней.

При помощи новейшего типа приборов и инструментов человек открывает новый мир явлений, недоступных его непосредственному восприятию.

Спектроскоп оказал большую помощь глазу, усовершенствовал его и позволил открыть очень много новых явлений. Он дал человеку возможность проникнуть в такую даль и глубь вселенной, куда невооружённый человеческий глаз проникнуть не может.

При исследовании спектров солнца и звёзд учёные заметили весьма любопытное явление. В спектре солнца учёные заметили несколько линий, которые не принадлежали ни одному из известных в то время химических элементов. Осталось только предположить, что на солнце существует какое-то вещество, которое ещё не известно и не найдено на земле. Это вещество было названо гелием в честь солнца (солнце по-гречески—Гелиос). И через 26 лет гелий был открыт на земле. Теперь этот химический элемент хорошо изучен, его добывают и им пользуются в широком масштабе в промышленности.

Развитие техники (техника — тоже один из моментов человеческой практики, хотя последняя далеко не исчерпывается техникой и не сводится к ней) освобождает человека от ограниченности естественных органов чувств, расширяет его кругозор и т. д.

Естественная слышимость разговора при благоприятных условиях достигает около 1 километра. Известно, что люди, находящиеся на воздушном шаре на высоте около одного километра, могут переговариваться с землёй без усилителей звука. А аппарат связи (телефон, радио и т. д.) распространяет слышимость на весь земной шар.

При помощи своих естественных органов чувств человек непосредственно воспринимает только происходящее поблизости землетрясение значительной силы, но при помощи сейсмографа человек может фиксировать землетрясения, происходящие на тысячи километров от него.

Число естественных органов у человека сравнительно невелико, но зато число различного рода приборов и инструментов, расширяющих человеческое восприятие, весьма велико, и с каждым днём оно увеличивается. Существуют такие явления в природе, которые непосредственно не могут влиять на органы чувств и, следовательно, не могут непосредственно вызывать ощущения. К таким явлениям, например, относится магнетизм. Магнетизм не оказывает никакого непосредственного действия на наши органы чувств. У человека нет естественных органов, при помощи которых он мог бы непосредственно воспринимать магнитные явления. Об их существовании он судит косвенно, на основании движения железных опилок вблизи магнита. Хотя органы человека и возбуждаются электрическим током, тем не менее у человека отсутствуют естественные органы для непосредственного восприятия электрических процессов. Но отсутствие естественного «электрического» чувства у человека не может служить препятствием для изучения огромной области физических явлений электрического или магнитного характера. Ультрафиолетовые лучи непосредственно не воспринимаются глазом человека, но они легко обнаруживаются по флюоресценции, фосфоресценции и тем физико-химическим действиям, которые они вызывают.

На деле каждое орудие труда (нож, топор, весы, токарный станок и т. д.) в какой-то мере способствует ис-

кусственному расширению восприятий естественных органов чувств человека.

Процесс искусственного расширения чувственных восприятий практически бесконечен, ибо едва ли кто-нибудь в состоянии указать границы, за пределами которых станет невозможным дальнейшее усовершенствование методов наблюдения и эксперимента. Чем дальше человек движется по пути искусственного расширения своих чувственных восприятий, тем отчётливее он начинает различать, что́ следует отнести к субъективному и что́ — к объективному моменту чувственного познания. Усовершенствование органов чувств является в известной мере средством освобождения нашего чувственного опыта от рамок естественных восприятий.

Медленное развитие естественных органов чувств не поспевает за быстрым интеллектуальным развитием человека. Каменное орудие и палка, вероятно, были наиболее древними дополнениями естественных органов человека. Со временем человек к ним присоединил телескоп, микроскоп и другие приборы, направленные к усовершенствованию восприятия внешнего мира. Наряду с этим шло развитие науки. Наука развивается на почве потребностей материальной жизни общества, зависит от них и определяется ими. Она своим происхождением и существованием в конечном итоге обязана материальному производству. В эволюции человека обратное влияние науки на создание новых, искусственных органов проявляется быстрее, чем непосредственное влияние мозга на развитие естественных органов.

Практика оказывает весьма благотворное влияние на развитие науки.

История науки показывает, что наиболее крупные открытия были сделаны учёными в связи с разрешением практических задач. Так, например, состав воздуха был впервые определён в связи с решением задачи улучшения системы фонарей для освещения городских улиц. Состав воды был определён также в связи с разрешением практической задачи изыскания дешёвых и удобных способов добывания газа, необходимого для надувания шаров. Величайшие открытия советских естествоиспытателей связаны с практическими задачами социалистического строительства. Открытия советских полярников были связаны с

практическим освоением Северного морского пути. Великие открытия Мичурина и Лысенко и их учеников связаны с проблемами советского колхозного и совхозного производства. Крупнейшие открытия советских геологов связаны с практическим освоением богатейших недр земли в СССР, с изысканием всё новых и новых залежей угля, металлов и т. д. Крупнейшие открытия советской медицины обусловлены практической постановкой лечебного дела в СССР. Все эти и другие факты иллюстрируют тесную связь практических изысканий с научными открытиями.

Практика уточняет теоретические расчёты, проверяет их достоверность и т. д. Прогресс науки связан с прогрессом практической жизни и в свою очередь оказывает огромное влияние на развитие самой практики.

Усовершенствование паровых машин стало возможным только после того, как были экспериментально изучены законы трения и механических свойств металла и силы расширения водяного пара.

Современное промышленное производство обязано своими техническими усовершенствованиями в значительной мере науке, хотя наука в большей мере обязана производственной практике. Наука и производство зависят друг от друга, обусловливают друг друга.

Но когда мы говорим о «практике», об «опыте», то очень важно знать, какое содержание вкладывается в эти понятия.

Ленин отмечает, что под понятием «опыт» может скрываться как материалистическая, так и идеалистическая сущность, в зависимости от того, какое содержание вкладывается в это понятие. Материализм под опытом подразумевает объект познания, существующий независимо от познания. Идеализм под опытом подразумевает совокупность ощущений (что имеет место у субъективных идеалистов юмистского и махистского типа) или форму проявления логической идеи (что имеет место в философии Гегеля).

Можно ли определять опыт как предмет исследования? Конечно, можно. Ведь в своё время опыт, скажем, Сталинградского тракторного завода или опыт Алексея Стаханова стали предметом исследования! Можно ли определять опыт как средство познания? Конечно, можно, ибо при помощи опыта мы проверяем достоверность своих

познаний. Но Ленин особо подчёркивает, что ни определение опыта как предмета исследования, ни определение опыта как средства познания ещё не решает вопроса о том, даётся ли этим определением материалистическое или идеалистическое толкование опыта. Вопрос ещё и в том, что̀ следует понимать под «предметом исследования» и «средством познания». Существенно установить, идёт ли речь об опыте с предметом, который существует независимо от сознания (материалистическое понимание), или же под опытом понимают лишь ощущение или понятие (идеалистическое понимание).

Маркс и Энгельс ввели критерий практики в материалистическую теорию познания. Попытку решить вопрос об истинности наших знаний вне практики они объявили схоластикой. Одних теоретических рассуждений недостаточно для опровержения идеализма. Лучшим опровержением идеализма и агностицизма является человеческая практика. Именно она доказывает правильность материалистической теории познания. Процесс человеческого познания состоит в раскрытии законов природы и истории общества, в применении и использовании этих законов в практических целях. В этом смысле практика входит в теорию познания как важнейшая составная часть её.

В истории философии делались многочисленные попытки найти правильное мерило познания. Одни философы (например, Декарт) считали истинным только то, что обладает ясностью и очевидностью; другие философы (например, Авенариус, Мах) критерием истины признавали «принцип экономии мышления», третьи (например, В. Джемс) — полезность и т. д.

Здесь нет возможности подробно останавливаться на разборе этих идеалистических попыток решения вопроса о критерии познания. Укажем только, что ясность и самоочевидность есть субъективный критерий, ибо то, что одному кажется ясным, понятным, очевидным, не требующим доказательства, для другого является неясным, непонятным, требующим доказательства. Точно так же не выдерживает никакой критики махистский «принцип экономии мышления», который, по выражению Ленина, не может вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма. Ленин, разоблачая этот софизм махистов,

писал, что дело вовсе не в том, «экономно» или «неэкономно» человеческое мышление, а суть вопроса в том, правильно ли оно отображает объективную реальность. Мышление человека тогда «экономно», когда оно правильно отражает объективную истину, указывал Ленин. Критерием этой правильности, по Ленину, является практика, эксперимент, промышленность. Если в теорию познания вводится нелепое понятие «принцип экономии», то выходит, что экономнее всего мыслить так: существую только я и мои собственные ощущения. А это есть солипсизм.

У махистов существует разрыв между практикой и теорией познания. Для них, отмечает Ленин, практика — одно, а теория познания — совсем другое. Разрыв теории и практики составляет одну из самых характерных черт махистской философии.

В современной американской буржуазной философии получила широкое распространение «новая теория», согласно которой истина есть то, что полезно или выгодно. Мы имеем в виду *прагматизм* (от греческого слова pragma — действие, практика).

Прагматизм отрицает объективную истину. С его точки зрения истина определяется степенью полезности для практической жизни. Если данные суждения полезны, то они, стало быть, истинны, а если данные суждения вредны, то они ложны. Абсолютной истины для прагматизма нет и быть не может. Всякая истина определяется тем, полезна ли она в данных условиях. Прагматизм рассматривает человеческие понятия не как отражение объективного мира, а как «орудия» или «инструменты», способные служить для выполнения практических задач. С этой точки зрения истиной может быть и религия, поскольку последняя способна служить орудием или инструментом для осуществления практических задач. Один из основоположников этой «самоновейшей» философии, В. Джемс, писал, что истина есть то, во что для нас (для кого: реакционеров? эксплоататоров?) лучше верить. Следовательно, прагматизм оправдывает любую ложь, любые действия, если они выгодны господствующему классу эксплоататоров.

С точки зрения диалектического материализма то или иное положение истинно не потому, что оно полезно или

выгодно кому-то, а потому, что оно верно отражает действительность, объективный мир.

На первый взгляд может показаться, что на такой же позиции стоял и Гегель, который говорил, что критерием познания истины является практика. Однако это не так, ибо сама практика понималась Гегелем неверно — идеалистически, лишь как духовная деятельность человека. Практика у него выступает как момент абстрактной идеи, выходит, что идея (понятие и т. д.) выступает как критерий самой себя. Поэтому в действительности у Гегеля отсутствует подлинный критерий для оценки достоверности человеческих знаний. Гегелевское представление об истине очень ярко вскрывает внутреннюю логическую несостоятельность философского идеализма.

Почему же именно практика является единственно правильным критерием достоверности человеческого познания? Почему практика выше теоретического познания? Ленин так отвечает на этот вопрос: «практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [1]. Однако если практика выше теоретического познания, то отсюда ещё не следует, что теорией нужно пренебрегать. Классики марксизма-ленинизма всегда придавали огромное значение теории. Насколько велика роль теории, видно из того, что Ленин неоднократно подчёркивал, что без революционной теории не может быть и революционной практики.

Ленинизм с самых первых дней своего существования вёл непримиримую борьбу с пренебрежительным, деляческим отношением к теории, отношением, под которым скрывалось стремление протащить в среду пролетариата враждебные ему буржуазные и мелкобуржуазные теории, столкнуть его с пути борьбы за социализм в болото соглашательства и примиренчества.

Товарищ Сталин со всей силой обрушился против тех, кто утверждал, что ленинизм будто бы беззаботно относится к теории. Он учит, что недооценка значения теории противоречит всему духу ленинизма и чревата опасностями для практического дела. Наши партийные и

---

[1] *В. И. Ленин,* Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 185.

государственные кадры должны уметь руководствоваться теорией при постановке и решении практических вопросов. Образно говоря, марксистско-ленинская теория для наших кадров служит компасом, указывающим направление дальнейшего общественного развития.

Марксизм-ленинизм есть последнее слово науки, он — самая революционная, самая передовая теория человечества, ибо носителем её является самый революционный, самый передовой класс и его авангард — коммунистическая партия.

Самая передовая и революционная теория принадлежит самой передовой и революционной партии!

Марксистско-ленинская теория — самое могучее идейное оружие пролетариата. В ней обобщён гигантский опыт мирового революционного движения и строительства социализма в СССР. Она научила рабочий класс побеждать. Марксистско-ленинская теория освещает, так сказать, генеральный путь истории общества, раскрывает сущность событий современной жизни. Кто не дал себе труда изучить основы этой теории, тот не может быть сознательным участником происходящих событий.

Марксистско-ленинская теория черпает своё содержание из действительности, из революционной практики. Она сумела воспринять, критически переработать и развить дальше всё лучшее и прогрессивное из того, что дано всем предшествующим историческим развитием человеческого общества. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин на основе тщательного изучения опыта массового пролетарского движения всех стран, на основе усвоения и критической переработки всей науки извлекли практические уроки и выковали теоретическое оружие для международного пролетариата. Они всегда связывали теорию с революционной практикой рабочего класса, «...связь науки и практической деятельности, — говорит И. В. Сталин, — связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата» [1].

Теория и практика находятся в неразрывной связи, в диалектическом единстве, но примат в этом единстве принадлежит практике. Практика не может не иметь примата над теорией, ибо теория порождается, опреде-

---

[1] *И. В. Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11, 1945, стр. 545.

ляется и в конечном счёте проверяется (прямо или косвенно) практикой. Если то или иное положение не может быть проверено тем или иным путём на практике, то оно никогда не выйдет из сферы гипотезы. В классовом обществе всякая теория, а следовательно, и всякая философия, носит классовый характер, ибо теория прямо или косвенно, сознательно или бессознательно защищает интересы определённого класса, определённой политической партии.

Маркс говорил, что мысли господствующего класса в данную историческую эпоху являются господствующими мыслями, и класс, являющийся господствующей материальной силой общества, является в то же время господствующей духовной силой. Борьба различного рода течений в области философии есть по существу борьба определённых партий, которые выражают и защищают интересы и идеологию стоящих за их спиной определённых классов.

В своё время «легальный марксист» Струве выдвинул положение, что наука должна быть объективной. Под объективностью науки Струве понимал надклассовость. Наука, по его мнению, должна абстрагироваться от «узких классовых интересов» и смотреть «беспристрастно» на то, что происходит вокруг. Ленин выступил с уничтожающей критикой «объективизма» Струве.

Ленин не отрицает объективности науки вообще и в частности философии.

Философия диалектического материализма есть самая объективная теория, ибо объективность теории измеряется тем, во-первых, насколько правильно отражает данная теория действительность и, во-вторых, какой класс является носителем этой объективности. Интересы и цели пролетариата обусловлены объективным ходом истории, они совпадают с ходом истории, и потому пролетариат является ныне самым последовательным поборником науки, научной объективности — объективности в лучшем смысле этого слова.

Ленин говорил, что, с одной стороны, материалист последовательнее объективиста и глубже и полнее проводит свой объективизм, а, с другой стороны, материализм включает в себя партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку

зрения определённого класса. Материализм последовательно проводит классовость, а вульгарный объективизм, принимая исторический процесс лишь как необходимый процесс и констатируя необходимость того или иного явления, ждёт, пока оно наступит. Это неизбежно приводит к фатализму.

Работы классиков диалектического материализма пронизаны от начала и до конца духом воинствующей большевистской партийности.

* * *

Теория познания диалектического материализма — это величайшее приобретение человечества. Изучение этой теории даёт возможность глубже и вернее познать законы развития природы и законы развития человеческого общества. Знание этих законов необходимо как для научной работы, так и для повседневной практической деятельности.

Дипломированные лакеи реакции пытаются превратить теорию познания в нечто данное свыше, доступное только избранникам, высокопоставленным жрецам от науки. В этих попытках сказывается стремление эксплоататорских классов удержать в своих руках монополию на умственный труд, а значит, и монополию на политическую власть. Философ рабочий Иосиф Дицген совершенно справедливо говорил, что научная теория познания близко касается порабощённого народа, ибо она даёт ему «логическое право» на борьбу за своё освобождение. Но ещё более близко она касается освобождённого народа, который на деле доказал несостоятельность претензии идеологов реакции на монополию в области духовной и политической жизни.

В своё время Маркс мечтал о том, чтобы дать систематическое изложение основных положений материалистической диалектики на двух-трёх печатных листах. Но целый ряд обстоятельств помешал ему выполнить эту задачу. Это сделал товарищ Сталин. Его работа «О диалектическом и историческом материализме» есть систематическое, сжатое по форме и глубочайшее по содержанию изложение основ диалектического и исторического материализма. Эта сталинская работа духовно вооружает наш народ.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *В. Зуева*
Ответственный корректор *А. Левина*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать с матриц 27 апреля 1950 г.
Тираж 200 000 экз. (100 001—200 000). А01025.
Объём 6 п. л. 4,83 уч.-изд. л. Заказ № 2407.
Цена 1 р. 25 к.

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.